

**МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д. 07.03.211**

На правах рукописи
УДК: 947. 1/9; 947. 011

ДЖУМАНАЛИЕВ ТЫНЧБОЛОТ

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ КОЧЕВНИКОВ
ПРИТЯНЬШАНЯ (II в. до н.э. - XII в.)**

Специальность: 07.00.02 - История Кыргызстана

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени доктора исторических наук

Бишкек - 2005

Работа выполнена на кафедре истории Кыргызстана в древности и средневековья Кыргызского национального университета им.Ж.Баласагына

Научный консультант: доктор исторических наук,
академик В.М.Плоских

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор З.К.Курманов

доктор исторических наук,
профессор Т.К.Чоротегин

доктор исторических наук,
профессор И.И.Ибраимов

Ведущая организация: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова
Министерства образования и науки Республики Казахстан

Защита состоится «_____» _____ 2005 г. в _____ час. на заседании Межведомственного диссертационного совета Д.07.03.211 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) исторических наук при Институте истории Национальной академии наук Кыргызской Республики по адресу: г. Бишкек, проспект Чуй, 265а.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Национальной академии наук Кыргызской Республики.

Автореферат разослан «_____» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

А.Джуманалиев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История кочевников Центральной Азии неотъемлемая часть общеисторического процесса. Кочевники Центральной Азии не только принимали активное участие в событиях мировой истории, но и сами на эти события оказывали существенное воздействие.

Кочевники внесли определенный вклад в развитие материальной и духовной культуры человечества. Это, прежде всего те культурные достижения, которые выработались в процессе освоения горных ландшафтов, степей и полупустынь кочевниками, имевшие позитивные последствия в развитии межконтинентальных торговых связей и посредничеству в культурном обмене.

Политическая власть кочевников Притяньшаня появилась во втором веке до нашей эры в качестве консолидирующего дисперсных макросоциальных организмов в единую социально-политическую общность, управляя иерархически структурированной военно-племенной аристократией.

Политическая власть кочевников Притяньшаня формировалась и развивалась эволюционно двумя путями: 1) на основе самостоятельного развития кочевого общества; 2) на основе взаимодействия кочевого и земледельческого обществ, принадлежавшего к иному культурно-хозяйственному типу.

Одной из важнейших задач политической власти было уничтожение племенной раздробленности и создание структуры общества, наиболее отвечающей потребностям мобилизации и организации военных сил.

В эволюционном процессе политическая власть кочевников Притяньшаня прошла три основных этапа: на первом, собственно номадический путь политической власти от неинституционализации к институционализации власти. Война и военно-организационные функции выступали важнейшими факторами в политогенезе кочевников Притяньшаня, сочетание племенной структуры с военной и подчинение первой последней; на втором этапе, в процессе завоевания в условиях постоянно расширяющегося экстенсивного хозяйства, укрепление власти сопровождавшейся борьбой с центробежными силами обуславливала политический кризис, а также в результате "несбалансированности в отношении господства и подчинения, что свидетельствует о том, что положение властвующих постоянно подрывались активностью подвластных и в конечном итоге, их статусы динамично менялись, так, триальная система заменялась дуальной, вместо централизованной власти конфедеративный принцип управления, трансформация внутренней политической ориентации во внешнюю и т.д.; на третьем этапе, караханиды в результате завоевания оказавшиеся в зоне мощного воздействия земледельческой культуры, где политическая власть подверглась трансформации в сторону её бюрократизации, создание административно-территориальной системы по вертикали, замена дани на регулярную налоговую систему, ослабление функции военных и усиление исполнительного органа

обуславливающие более или менее стабильную систему политической власти у кочевников.

Политическая власть функционирует при наличии обитания человеческого социума на определенной территории независимо от форм хозяйства и организации. Сущность политической власти заключается в том, что она всегда стремится к подчинению и господству над определенной частью населения в целях использования в своих интересах, но это возможно в процессе внутренних и внешних факторов. Политическая власть обуславливает и призывает к иерархизации общества, к упорядочению отношений между группами людей, к самоорганизации и структуризации общества, через которых политическая власть может реализовать себя в рамках человеческого социума [1].

Еще в древности кочевники Притяньшаня обладали опытом и традицией своей политической истории и управления. Специфика данного явления заключалась в том, что политическая власть и присущие ей организация и структура управления формировались и существовали в условиях кочевого способа ведения хозяйства. Однако многие вопросы политической истории кочевников Притяньшаня, в частности проблематика политического строя номадов до сих пор не получили однозначного разрешения и остаются в значительной степени дискуссионными.

Научные исследования эволюции политической власти обуславливаются необходимостью углубить наши знания политической истории номадов, выявить формирование и специфику политической власти, ее институционализация и трансформация, характер ее функционирования, ее отношения с идеологическими и социально-экономическими факторами, а также ее связи с общим развитием кочевых обществ Центральной Азии. Недостаточная изученность проблемы политической власти кочевников Притяньшаня отражает ее актуальность в рамках отечественной истории.

Актуальность наших исследований определяется необходимостью разработки конкретных проблем малоизученной древней и средневековой политической истории Кыргызстана на современном уровне науки.

Степень изученности проблемы. Вопросы истории политической власти кочевников Притяньшаня вызывали огромный интерес у востоковедов и историков. Впервые на эту проблему обратили внимание русские ученые востоковеды XIX - начала XX веков и тема политической власти отражалась в исследованиях В.В.Бартольда, В.В.Радлова, В.В.Григорьева, Г.Е.Грумм Гржимайло, Н.А.Аристова, К.Иностранцева и других.

В изучение политической структуры и организации усуньского общества существенный вклад внесли Ю.А.Зуев, К.А.Акишев, Л.А.Боровкова и другие, которые, опираясь на сведения китайских источников указали причины миграции усуней, далее анализируются возникновение политической организации, её место и структура в усуньском обществе, а также иерархия и значения должностных лиц в государстве Усунь.

Многочисленные исследования по военно-политической истории, институционализации политической власти в тюркских государствах

принадлежат таким известным ученым, как В.В.Бартольд, 'Э.Шаванн, А.Н.Бернштам, Л.Н.Гумилев, М.Мори, Х.Эчеди, А.Габэн, К.Ширатори, Ю.А.Зуев, С.Г.Кляшторный, К.И.Петров, Е.И.Кычанов и многим другим.

Караханидскому периоду посвящены ряд фундаментальных исследований. На основе данных письменных и нумизматических источников В.В.Бартольд, О.Прицак, О.Караев, М.Н.Федоров, Е.А.Давидович, А.А.Валитова, К.И.Петров, Р.Генч рассматривали в своих работах проблему трансформации кочевого общества, становление и функционирование оседлого типа политической власти, феномен симбиоза кочевой и оседлой культур в X-XII веков.

Внешнеполитические отношения кочевников Центральной Азии, в том числе Притяньшаня с сопредельными государствами рассматриваются в трудах Т.Барфилда, М.Фрида, Х.Эчеди, Л.Кредера, Н.Л.Гумилева, Л.И.Думана, А.Г.Малявкина, Ю.А.Зуева, А.М.Хазанова, Б.Е.Кумекова, Л.А.Боровковой, Г.П.Супруненко и других. Н.Н.Крадин рассматривает завоевание кочевников с точки зрения внешней эксплуатации поскольку, по его мнению, внутренняя эксплуатация у кочевников была не достаточно развита, и она не могла обеспечивать кочевое общество необходимыми продуктами [2].

Проблема политической власти в кочевых обществах непосредственно связывается с теоретическими разработками в области кочевниковедения. Современные исследователи ближнего и дальнего зарубежья внесли значительный вклад в изучении политогенезе кочевых обществ, их научный и методический подходы существенно углубили и расширили границу представления о политической организации, надобщинную и надплеменную структуру кочевников, институциализации власти, а также ее трансформация в процессе развития кочевого общества. Эти и другие вопросы привлекают внимание ученых дальнего и ближнего зарубежья, в частности, работа таких авторов как Л.Кредер, Т.Барфилд, Х.Эчеди, Я.Набуо, Н.Н.Крадин, Д.М.Бондаренко, А.В.Коротаев, Н.Масанов и других.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение становления и развития политической власти кочевников Притяньшаня, ее институциализации⁴ в рамках кочевого общества, а также влияние внешних факторов на усиление политической власти кочевников.

Исходя из этих целей, были поставлены следующие конкретные задачи исследования:

- изучение политической власти кочевников Притяньшаня на основе сравнительно исторического анализа с другими аналогичными обществами;
- определение механизма институциализации политической власти в Западно-тюркском и Караханидском каганатах;
- выявить основные факторы трансформации политической власти в VI - XII веках;
- охарактеризовать структуру и функционирование политической власти кочевых обществ Притяньшаня;
- раскрыть причины усиления политической власти кочевников в процессе завоевания ими сопредельных регионов.

Источники базы исследования. В соответствии с задачами исследования были привлечены ряд источников, которые разбиты на четыре группы:

- 1) выдержки из древних и средневековых китайских летописей по истории кочевых народов Центральной Азии в переводах Н.Я.Бичурина, Н.В.Кюнера, В.С.Таскина, А.Г.Малявкина и Г.П.Супруненко;
- 2) древнетюркские памятники в переводах П.Мелиоранского, В.В.Радлова, С.Е.Малова, С.Г.Кляшторного, Д.Д.Васильева и Ч.Джумагулова;
- 3) нарративные источники, написанные на арабском, персидском и тюркском языках, в переводах В.В.Бартольда, В.И.Беляева, С.Волина, А.А.Ромаскевича, З.М.Бунятова, А.К.Арендса, О.Караева, С.Н.Иванова, С.М.Муталлибова и других;
- 4) сирийские, византийские и армянские письменные источники в переводах Н.В.Пигулевской, С.Дестуниса и Л.Х.Тер-Мкртчяна.

В исследуемой работе, в качестве источников были использованы извлечения из произведений мусульманских авторов, переведенные на русский язык и опубликованные в сборниках.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является политогенез кочевников Тянь-Шаня и Притяньшаня во II в. до н.э. - XII в. н.э.

Предметом исследования составляет изучение политической власти усуней, тюрков и караханидов, ее место и значение в консолидации кочевых племен Притяньшаня.

Хронологические рамки исследования определяются временем существования политической власти кочевников Притяньшаня, т.е. со II в. до н.э. до конца XII в. Именно в этот период формируется и развивается кочевнический тип власти кочевников, проявляются ее характерные черты, особенности, присущих только им.

Географические рамки исследования. Местом окончательного завершения политической консолидации усуней стал Центральный Тянь-Шань (Прииссыккулье, Кыргызстан). Завоевание Тюркского каганата на западе расширило владения тюрков и практически Восточный, Центральный и Западный Тянь-Шань вошли в состав каганата. Политический центр Западно-Тюркского, Тюркешского, Карлукского, а затем Восточно-Караханидского каганатов традиционно располагался в Семиречье (Северный Кыргызстан, Юго-Восточный Казахстан).

Методологическая основа и методы исследования. В работе мы опирались на опыт и достижения исследований, новейшие методы, разработанные ведущими отечественными и зарубежными историками, востоковедами по изучению вопросов политической антропологии и политогенеза кочевых обществ Центральной Азии, в том числе Притяньшаня. Общеметодологической основой диссертации послужила концепция истории кочевых народов, заложенная и развитая отечественной и зарубежной наукой. В ее основе лежат принцип историзма и объективности исторического познания. В работе применялся комплексный подход анализа разных видов

письменных источников с учетом их информативностью по конкретной историко-политической ситуации в Притяньшань и сопредельных регионах.

Научная новизна исследования. Впервые предпринята попытка комплексного специального исследования становления, развития и трансформация политической власти кочевников Притяньшаня в эпоху древности и средневековья. Проблема политической власти выделяется среди других вопросов политической истории кочевых народов, и ей посвящается данное исследование. Роль и место политической власти в консолидации множества разноплеменных групп и объединений Притяньшаня, формирование, институционализация власти, а затем ее усиление в процессе завоевания и установления политического господства кочевниками на покоренных землях.

В результате изучения ряда письменных источников внесены значительные дополнения и уточнения в политическую историю кочевников Притяньшаня. Новизна исследования состоит также в анализе взглядов некоторых ученых на кочевничество, в рассмотрении номадов Притяньшаня в контексте общекочевнических универсалий.

Положения, выносимые на защиту. В предлагаемой работе на защиту выносятся положения, которые представляются научно значимыми в изучении кочевых обществ Притяньшаня.

1. Проведенный сравнительный анализ структуры политической власти хуннского и усуньского государств показывает, что для усуней хуннская модель послужила основой их политического устройства. Об этом свидетельствуют схожесть триальной системы, военно-административная система, место и значение совета старейшин, название титулов, должностей и их полномочия, а также порядок престолонаследия в усуньском и хуннском обществах. Однако в отличие от хунну, в государстве Усунь в результате внутривнутриполитического кризиса триальная система была заменена дуальной, изменен принцип престолонаследия, т.е. от прямого к удельно-лестничной системе, а само усуньское общество было менее милитаризованным, децентрализованным. Иерархизация общества и структуризация политической власти были обусловлены внутренними и внешними факторами, если первый является результатом внутреннего развития кочевого общества, то второй оказал значительное воздействие на структуризацию политической власти усуней. В структуре власти находился баланс сил между гуньми и советом старейшин в целях недопущения усиления власти гуньми, с одной стороны, а с другой, традиционно, родоплеменные институты сохранили за собой относительную автономность.

2. С ростом кочевого населения и вместе с ними требовалось увеличение количества скота и пастбищных угодий, а для этого стали необходимым ширококомасштабные походы в целях удовлетворения потребностей постоянно расширяющегося экстенсивного хозяйства. Более того, в процессе инкорпорации племен и родов, перераспределения добычи и материальных ресурсов и связанная с ними иерархизация общества, где требовался иной тип организации, т.е. институционализация политической власти.

Древнетюркское общество было достаточно иерархизированным, политическим ядром являлся род - лидер ашина, выступавшего в качестве консолидирующей силы и возложившего на себя управление каганатом. Политическая власть Древнетюркского каганата представлялась трехступенчатой: 1) каган и его непосредственное окружение с их функциональными обязанностями и полномочиями, несущие ответственность перед «эль»; 2) политическая конфедерация племен в форме «эль»; 3) военно-административные органы, включая глав родов и племен, правда, сохранившие за собой некоторую автономность. Все должностные лица и титулатура тюрков подразделялись на две неравные группы: на высших и прочий чиновников, включавшие всего 28 единиц, их функции и полномочия были разнообразными и обширными.

В результате кризиса политической власти в каганате в начале VII века в Западно-Тюркском каганате сложился конфедеративный тип власти, истоки которого еще были заложены в период Первого тюркского каганата, под названием тёлёс и тардуш. Западнотюркский каганат состоял также из двух конфедераций: нушиби и дулу, между которыми шла борьба за политическое господство в каганате. Конфедеративный тип политической власти представляет собой более сложное общество по отношению к отдельному племени, но в целом оно оставалось родовым. Феномен конфедеративного типа политической власти заключался еще в том, что она всегда присутствовала в кочевом обществе в форме военно-политического союза («эль» в древнетюркском обществе), объединения, в рамках каганата и не допускавшего усиления каганской власти, в целом противостоящего центральной власти. Преемственность конфедеративного типа политической власти продолжала существовать в Тюркешском и Карлукском каганатах, в форме союза «желтых» и «черных» тюркешей, а также конфедерация «трех карлукских племен».

3. В Караханидском каганате политическая власть претерпела существенные изменения в результате наличия экономического и политического факторов, которые создали предпосылку феодализации кочевого общества. Караханиды, после завоевания Мавераннахра, оказавшиеся в зоне оседло-земледельческих областей, подверглись культурному воздействию, их влияния были значительными, особенно в земельном отношении и в системе феодальной эксплуатации населения, а также учреждения института политической власти феодального типа. По мере расширения и утверждения власти караханидов на завоеванных землях стало необходимым укрепление центральной власти в целях эффективного управления кочевым и оседлым населением, поскольку кочевому типу политической власти не отвечал их потребностям и их интересам.

Политическая власть феодального типа у караханидов формировалась и развивалась в ходе завоевания государства Саманидов, где они столкнулись с более развитой формой политической организации общества. Политическая власть феодального типа опиралась на мощную бюрократию, представлявшую центральный аппарат управления, состоявший из царского двора и исполнительных органов, занимавшихся военными, фискальными,

дипломатическими и почтовыми делами. Каганская власть расширяется, выходит за рамки политической сферы и распространяет свою власть на экономическую сферу, непосредственно контролирует и перераспределяет земельный фонд и ренту-налог.

Институт феодальных пожалований в форме «икта», элементы архаического типа власти как дуальная система, институт соправительства обуславливали раздвоения, а затем распад Караханидского каганата на удельные владения.

4. Один из факторов усиления политической власти кочевников связан с их успешным завоеванием. Одновременно в процессе такого завоевания на смену обычной децентрализованности кочевников приходила сильная и централизованная организация, без которой невозможно покорить оседло-земледельческие государства.

Усуни принимали непосредственное участие в антихуннской коалиции, разгромив хуннов в нескольких сражениях, таким образом, отгеснив хуннов из земледельческих областей и торговых путей, усунь приобрели могущество. Однако такой расклад в регионе не устраивал империю Хань, поэтому путем дипломатических интриг ей удалось ослабить государство Усунь, а затем превратить его в протекторат Китая.

Внешнеполитические связи Древнетюркского каганата отличались от своих предшествующих государств как Хунну и Усунь, тем, что тюрки вступили в торгово-экономические отношения с такими могущественными государствами, как Суйско-Танская империя, Сасанидским Ираном и Византией.

Транзитная караванная торговля приобрела международный характер, торговые отношения кочевников с оседло-земледельческим населением усилили социальную дифференциацию кочевого общества, одновременно укрепляя политическую власть благодаря системе редиистрибуции, которая находилась в руках правящей династии.

Со своей стороны Суйско-Танская империя всячески препятствовала торгово-экономическим отношениям кочевников с земледельческими оазисами Центральной Азии, поскольку китайцы опасались, что со временем оазисы могут оказаться под контролем тюрков. Более этого Китай внешнеполитические и торговые отношения с кочевыми государствами рассматривал как инструмент политического давления на кочевников, руководствовался принципом «руками варваров подавлять варваров».

После завоевания тюрками земледельческих областей Средней Азии, где они столкнулись с другими цивилизациями как Иран, Византия, не уступавшие по своим достижениям китайской цивилизации, с которыми тюрки вступили в контакт. Таким образом, для тюрков был разрушен стереотип, что китайская цивилизация не является единственной, что нужно переориентировать свои внешнеполитические связи на Запад, где можно наладить торгово-экономические отношения с оседло-земледельческими областями без рычагов политических давлений с их стороны. В последующем тюрки и карлуки принимали активное участие против арабских завоевателей, им удалось

остановить дальнейшее продвижение арабов на Восток, одновременно разгромив танское войско на берегу р. Талас в 751 г., а также карлуки оказывали сопротивление саманидским завоевателям в IX-X вв.

Образование Караханидского государства и до его распада поддерживало внешнеполитические связи с сопредельными мусульманскими государствами, в частности, с Газневидским государством в конце X- начале XI веков, а затем в середине XI в. Сельджукским государством. Позже за обладание Мавераннахром вылилось в войну между караханидами и газневидами, а затем первых сельджукидами и хорезмшахом. Хотя караханидам удалось легко овладеть Мавераннахромом, но удержаться там было не просто, поскольку оно не принесло стабильности и мира внутри Караханидского каганата, так и за его пределами. В конечном счете, завоевание Мавераннахра для караханидов закончилось разделом государства на две самостоятельные части: Западную и Восточную, а в первой половине XII в. они стали вассалами государства Западные Ляо.

Научно-практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертационной работы могут быть использованы при написании соответствующих разделов по истории Кыргызстана, при дальнейшей разработке фундаментальных проблем кочевниковедения. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы историками, обществоведами, политологами при разработке курсов лекций и спецкурсов по древней и средневековой истории Кыргызстана, по политической и социальной антропологии кочевников в высших учебных заведениях Кыргызстана.

Апробация работы. Проблемы, изученные в диссертации, нашли отражение в монографических исследованиях и статьях автора, а также в докладах и выступлениях на международных конференциях и на научных форумах: Международная научная конференция, посвященная 1100-летию Караханидского государства. Бишкек, 10-11 ноября 1999г.; Международная научная конференция «Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути». Бишкек, 15-16 мая 2003г.; Международный конгресс востоковедов «Кыргызская государственность в системе евразийских реалий». Бишкек, 5-6 ноября 2003г.; Международная научная конференция «Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути. Бишкек, 10-12 апреля 2004г.; V-Международный тюркологический конгресс. Бишкек, 4-6 октября 2004г. Материалы диссертации автором используются при чтении курсов лекций и спецкурсов студентам Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына. Диссертация обсуждена и рекомендована на кафедре древней и средневековой истории Кыргызстана в Кыргызском национальном университете им. Ж.Баласагына. По теме диссертации автором опубликованы 27 статей и книги общим объемом 32 п. л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется степень изученности проблемы, сформулированы основная цель и задачи работы, дана характеристика источников, указывается объект и предмет исследования, отмечены хронологические и географические рамки, методологические основы и методы исследования, обоснована научная новизна и практическая значимость диссертации.

В первой главе - «Становление политической власти номадического типа в усуньском обществе» - рассматривается начало политической консолидации усуней до их миграции из Джунгарии в Семиречье в первой половине II в. до н.э. Усуни будучи в составе державы Хунну разгромили юэчжей, вначале их вытеснили из Джунгарии, а затем из Семиречья [3].

В условиях расширяющихся в политическом и экономическом отношении усуньская конфедерация, а также ее экстенсивный тип скотоводческого хозяйства постоянно требовали новых пастбищных угодий, территорий для удовлетворения растущей потребности кочевников. Молодой усуньской конфедерации приходилось сталкиваться с более мощными в военно-политическом отношении государствами как хуннской, юэчжи и наконец могущественной Ханьской империей, в окружении которых выстоять было непросто. Все эти факторы обуславливали массовую миграцию усуней на запад, в Семиречье, где была окончательно завершена их политическая консолидация, начатая еще на Востоке в Сичэне (т.е. «Западная стена»). Очевидно, усунь, будучи в составе хуннской конфедерации, произвели некоторую реорганизацию войско по типу хуннов, и, что начался процесс консолидации и военно-политического объединения усуней накануне их миграции в Семиречье [4].

Непрерывные войны ускорили вызревание начальных форм государственного органа, а также преодоление племенной раздробленности, требовалась реорганизация хуннского общества и создание структуры общества, наиболее отвечающей потребностям мобилизации и организации военных сил. Этого удалось достигнуть посредством сочетания племенной и военной структур и подчинения первой последней [5].

В диссертации анализируется хуннская модель кочевой империи, которая была взята за основу при создании своего государства другими кочевниками Центральной Азии. Схожесть хозяйственных типов и социальной организации позволило быстро перестроиться кочевым обществам, ориентированным на внешнюю экспансию, милитаризации общественных функций с сохранением родоплеменных отношений. Однако следует отметить, что усунь, взяв за основу хуннскую модель при создании своего государства не достигли того уровня и масштаба, как это удалось хуннам. Возможно, новые исторические обстоятельства, связанные с миграцией усуней в Семиречье и последующие события в регионе не позволили в полном объеме реализовать в перестройке общества по хуннской модели. Так или иначе, (усунь), приступившие к реорганизации военно-политической структуры, еще находясь в Восточном

Притяньшанье, была завершена в Семиречье, о чем свидетельствуют внутривнутриполитическая обстановка, сложившаяся в усуньском обществе на рубеже II-I веков до н.э.

Реорганизация института политической власти усунями по хуннской модели, очевидно, происходила в рамках конфедерации, созданной хуннами, где усунни занимали правое крыло [6]. Сравнительный анализ показывает, что помимо схожести хозяйственной организации и кочевого образа жизни, хунны оказали огромное влияние на политическую структуру и военно-административную систему усуней. Так, название титулов, должностных лиц, их полномочия и функциональные обязанности, а также принцип престолонаследия верховной власти усуней были идентичны с хуннами.

В работе рассматривается административно - политическая иерархия обеих обществ, схожесть её деления на высшие (левая) и низшие (правая) звенья, также как у хуннов, усунни высшими признавали 4-х князей, т.е. Сян-далу, Ю-далу (правый), Цзо-далу (левый) великий военачальник и да-гян великий предводитель. Остальные считались низшими государственными рангами. В свою очередь каждый из выше перечисленных высших должностей имели своих помощников, военачальников, подразделяющихся на левое, правое крыло. Высшие должности левого крыла назначались из числа родовичей гуньмо и шаньюя [7]. Одним из существенных моментов в структуре политической власти усуней и у хуннов является сосуществование дуальной системы и института соправительства. Источники сообщают о наличии в обоих государствах деления территории на две части, правителя в каждой из двух частей государства, а также наличие особого титула у младшего соправителя и принадлежность последнего к одному роду с главным правителем. Однако у усуней отсутствовало назначение младшего соправителя инвеститурой главного правителя, ненаследование младшим соправителем главного престола, вступать младшим правителем в дипломатические отношения с другими государствами и вести войну без санкции главного правителя. Кроме вышеперечисленных соотношений, у усуней отсутствовали признаки подчиненности младшего соправителя главному правителю, младший правитель не занимал западную часть государства [8].

Власть усуньского гуньмо, как и власть правителей других степных империй основывалась на внешних источниках. Будучи верховным военачальником усуньского государства, гуньмо имел монополию на внешнеполитические отношения с другими государствами и народами, организовывал военные кампании и в этом смысле он был посредником, который перераспределял «подарки», дани и полученную во время набегов добычу. Во внутренних делах своего государства гуньмо обладал меньшими полномочиями, поскольку все внутривнутриполитические решения принимались племенными вождями и старейшинами родов.

Практическая задача государства в лице гуньмо, у которого первоочередная обязанность, это обеспечение ресурсами кочевого населения за счет внешних источников, независимо от того, добывается ли они силой или

мирными средствами. Дело в том, что номады постоянно нуждались в сельскохозяйственных продуктах, одежде из шелка, ремесленных изделиях и металле. И по этой причине гуьмо вынужден был поддерживать связи с оседло-земледельческими оазисами и городами - государствами отстаивать интересы своего народа и право на торговлю с оседлым населением.

В усуньском обществе важное место занимал вопрос престолонаследия, поскольку от его решения зависела стабильность в государстве. В процессе эволюции политической власти вопрос престолонаследия претерпел некоторые существенные изменения, в частности, перехода власти от прямого престолонаследия к удельно-лестничной системе. Как нам кажется, этот важный и принципиальный вопрос изменил дальнейшую судьбу политического развития в целом всего кочевого общества, в том числе усуньского, его политическую организацию и перспективы. Дело в том, что изменения характера престолонаследия создали определенную предпосылку дезинтеграции политической структуры, вызывали непрерывные конфликты между множеством претендентов на престол гуьмо, вследствие чего давали повод для вмешательства внешним силам. Раскрывается, какие причины заставили изменить сам принцип престолонаследия. Первоначально после появления надплеменной структуры у усуней, также как у хуннов принцип престолонаследия оставался прямым, т.е. власть передавалась от отца к сыну, причем старшему [9]. Данный принцип у хуннов сохранялся до конца I в до н.э., у усуней до середины I в до н.э. О существовании двойной системы престолонаследия свидетельствует об участии братьев шаньюя в качестве претендентов на престол. В отличие от хуннов, у усуней практиковалась передача власти в устной форме, т.е. царствующий гуьмо дядя обещает возвратить власть законному наследнику, когда он достигнет совершеннолетия [10].

В работе раскрывается внутривнутриполитический кризис в самом усуньском обществе, который был связан с борьбой за престол между претендентами при поддержке различных группировок из числа высших сановников, неурегулированность вопроса престолонаследия, его нелегитимность позволяли вмешиваться не только центробежным силам, но и внешнеполитическим, в лице ханьского Китая и империи Хунну. Последние пользуясь, случаем, в усуньском обществе создавали соответственно проханьскую и прохуннскую группировки, поддерживавшие угодного им претендента между которыми разгорались ожесточенные конфликты. В конечном итоге, это ослабило центральную власть, которая была не в состоянии остановить внутривнутриполитический кризис в государстве, и страна была разделена на две части, соответственно ориентировавшиеся на ханьский Китай и хуннов [11].

Особенностью военно-административной системы в форме триальной или дуальной это сохранение или точнее сосуществование с родоплеменными институтами управления, с их структурами, организацией. В принципе они составляли основу военно-административной системы кочевого общества. В условиях дуальной системы центральная власть перестала существовать как

орган власти, как консолидирующий фактор с его центростремительными тенденциями. Вероятно, с отсутствием центра перестали функционировать другие структуры власти, связанные с ним. Как нам кажется, в эволюционном процессе, в политическом развитии общества, это было откатом назад.

В исследовании указывается структуризация политической власти в усуньском обществе, которая была обусловлена двумя основными факторами: внутренним и внешним; если первый являлся результатом внутреннего развития кочевого общества, то второй, оказал значительное воздействие на структуризацию политической власти усуней, взяв за основу хуннскую модель политической системы как номадического типа. Контроль над определенной территорией, сообществом людей, само это сообщество нуждалось в управлении ими, но для этого стало необходимым установление политической власти и ее структуризация соответственно социальной дифференциации общества, с учетом специфики его развития.

Китайские письменные источники обозначили титулатуру и номенклатуру должностей усуней и на основе их были определены функции и полномочия должностных лиц, их место и значение в военно-политической иерархии общества. Можно определенно сказать, что в условиях кочевого общества структура власти по своим функциональным и другим параметрам сочетал в себе военный и гражданский характер.

В структуре власти сосуществование гуньмо и совета старейшин обеспечивал баланс сил в целях недопущения усиления власти гуньмо с одной стороны, а с другой, традиционно, родоплеменные институты сохранили за собой относительную автономность. В военно-политической иерархии усуньского общества на высшие должности назначались из числа ближайших родственников гуньмо либо из числа его приближенных. Нелигитимность вопроса престолонаследия в структуре власти вызывала ряд конфликтных ситуаций в среде высших сановников, а это в свою очередь обуславливалось вмешательством, как внутренних центробежных сил, так и внешних.

Триальная система управления кочевым обществом была характерна для кочевников евразийских степей, и она непосредственно связана с военной системой наступления левым и правым флангом. Трансформация триальной системы в дуальную вызваны внутривнутриполитическим кризисом в усуньском обществе, а также вмешательством внешних сил, в конечном итоге она привела к ликвидации центральной власти и падению авторитета гуньмо, олицетворявшего консолидацию общества.

Вышеперечисленные параллели имели не случайный характер, и не простое совпадение или копирование хуннской модели, а результат длительного влияния хуннов на политическую структуру усуньского общества. Конечно, нельзя сказать, что это было полное или абсолютное отражение хуннской модели, поскольку усуней дополнили существенными политическими и административными элементами, которые считали приемлемыми с элементами и учетом специфики усуньского социума. В связи с этим усуньское государство отличалось от хуннского, тем, что оно было менее жестким,

децентрализованным и немилитаризованным, о чем свидетельствует отсутствие института темничества или десятичной системы. Структуризация политической власти сопровождалась отделением публичной власти от основной массы рядовых кочевников, традиционных форм кровнородственных связей и утверждением связей территориальных. Усложнение общественной структуры приобретало иерархический характер, лица, отправлявшие организационно-управленческие функции, превращались в самостоятельную прослойку с институционализацией наследственности и властных структур.

Вторая глава исследования «Институционализация политической власти кочевников Притяньшаня в VI-X вв.» посвящена изучению процесса институционализации и структуризации политической власти кочевников в VI-X веках. В разделе рассматривается институт каганской власти, как ядро политической власти, формирование его в рамках социально-политического развития данного кочевого общества и представлений о власти у кочевников Центральной Азии.

В работе дано систематизированное исследование функций и полномочий кагана, его ближайшего окружения, состоявшего, как правило, из числа родственников кагана. Оно показывает достаточную сложность административного управления каганатом, тесно связанную с родоплеменной организацией, которая в период сложения политических образований сыграла определяющую роль по централизации власти и одновременно она являлась источником центробежных тенденций. Вершиной и ядром политической власти был верховный каган, правитель, чье политическое господство признавалось соплеменниками.

Племенная организация управления не предполагала централизации власти и не отвечала потребностям мобилизации и организации военных сил. При установлении каганской власти удалось преодолеть племенную раздробленность, создать структуру управления путем сочетания племенной организации с военной структурой и подчинения первой последней [12]. Вопросы войны и мира были прерогативой кагана, по его воле решается битва или союз в интересах «тюркского зля». Военные и дипломатические прерогативы кагана были абсолютными, однако ими не исчерпывались его функции. В древнетюркских надписях еще говорится о конкретных действиях кагана и тем самым определяется его место в системе управления [13]. Кроме того, каган осуществлял функции главы гражданского управления в самом каганате, одновременно, являясь старшим в генеалогической иерархии родов и племен, выступал в качестве вождя, верховного судьи и верховного жреца. Помимо гражданской функции, каган выполнял функции военного руководителя, требуя от покорившихся племен уплаты дани и податей. Каганом возглавлялся древнетюркский «эль» как тип политической конфедерации кочевников, в функции которой входили поддержание на должном уровне боевой мощи армии, организация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов. Естественно, каган опирался на племенную аристократию, из которой

комплектовалась управленческая структура, т.е. военно-административное руководство как в центре, так и на периферии, а также личное окружение кагана [14]. Каганы владели крупными «феодальными» территориями, на которые распространялась их власть, эксплуатировали подчиненные племена и кланы [15]. Из числа родственников и приближенных он назначал малых каганов, ябгу и шадов, которые занимали высшие должности в структуре власти, за ними по иерархии находились эльтеберы, иркины, тарканы, тутуки, буюруки и, наконец, беки и старейшины родов и племен. Каган имел право их смещать или наказывать, в случае если ему не подчинялись либо если нарушали закон установленный элем, т.е. тору [16]. Каган согласно установленному тору выполнял судебную функцию, творил суд и правду в каганате [17].

В диссертации отмечается, что сакрализация верховной власти имеет еще юридический и политический аспекты, поскольку сама по себе идея избранничества какого-либо лица, клана высшими силами и вручения ему власти над прочими соплеменниками и несоплеменниками, давала право на власть образования государства. Более того, сакрализация утверждала господство одного правящего рода, его легитимность признавалась племенной аристократией, всеми подданными, таким образом не допускались посягательства на верховную власть извне кем-либо, или другим кланом. Сакрализация всегда сопровождалась идеологическим обоснованием, как правило легендами или мифологией по поводу необычного происхождения правящего рода, знамения, сопровождавшие рождение и воцарение основателя династии, его приход с небес, его небесное происхождение [18].

Исследование политической власти будет неполным без рассмотрения её составных элементов, структуры и организации власти кочевников, их значение и функционирования в рамках кочевого общества. Сведения о должностях и титулатуре, политической структуре и организации управления древнетюркского общества, в основном представлены древнетюркскими памятниками и китайскими средневековыми источниками.

Согласно древнетюркским надписям аппарат управления подразделялся каганом на четыре группы: родичи, союзные племена и народы, чиновники-администраторы, начальники шад и апа, стоящие справа, начальники тарханы и буюруки, стоящие слева.

В структуре политической власти Тюркского каганата важное место занимали должностные лица тарканы, буюруки и тутуки. На эти должности назначались люди не из ханского рода, а, как правило, из числа приближенных кагана, либо ябгу или шада и непосредственно подчиняющимися им. Полномочия и функции вышеназванных должностных лиц были разнообразными и обширными, поскольку они находились как в центре, при кагане, так и на местах, в периферии, возможно при шадях левого и правого крыла управляли покоренным населением и взимали налоги в пользу каганата, а также ведали военными делами своей области.

Вассальные князья, признавшие политическую власть, тюрков носили титулы эльтебер (кит. сылифа) и иркин, (кит. сыцзинь или сыгинь), которые были предводителями и военачальниками крупных племен, в частности, карлуков, уйгуров, азов, согдийцев и других.

Во властной структуре Древнетюркского государства беги занимали особое место, поскольку управляемые ими племена составляли ядро войск, сами беги составляли основной костяк военачальников и глав родовых общин и племен, именно из их числа, от их преданности зависела судьба кагана и государства. Кроме того, беги по своему политическому статусу, были представителями своих родов и племен, и непосредственно связаны кровными узами с сородичами. На бегов возлагались военные функции и гражданские управления на местах, обладали некоторыми полномочиями в рамках племени или рода. Кроме того, бег, как правило, был представителем племени во всех его делах и отношениях с соседними племенами, родами и официальными властями. Должность и титул бегов были наследственными. Беги, выбирались сородичами или племенем, так как они обязаны защищать их интересы в эле, в противном случае сородичи могут покинуть бегов. В некоторых случаях, беги вместе с сородичами, племенем могут покинуть кагана, если последний окажется бездарным или жадным [19].

Беги, представляли определенную военно-политическую силу в древнетюркском обществе, поскольку они являлись главами крупных родовых общин, при них находились ополчения, из которых формировалось войско в некоторых случаях беги могли самостоятельно выступать на стороне того или иного претендента на каганский престол, либо откочевать и стать вассалом другого правителя. В данном случае, сородичи и соплеменники находились в подчинении бегов.

В тюркской иерархии власти второго должностности и титулы, такие как ынанч или ынанчу, сангун, чур (чор), су башы, ышыбар (ышбара), шадатыт, угэ, бага, бойла, чигши, куркапыны, ярган. Все из вышеперечисленных должностей и титулов употреблялись в компоненте, с приставкой имен собственных. Название племени или рода иногда к титулу дополнялись свойства физического характера, либо геройским именем, которые составляли компонент. На вышеназванные должности назначались каганом либо высшими должностными лицами из окружения кагана, как правило, из числа представителей знатного рода, а также лица, наиболее отличившиеся по служебной карьере. Вышеотмеченные должности имели различные, функциональные обязанности и полномочия в зависимости от занимаемого ими ранга в структуре власти, характера их служебной деятельности и т.д.

В работе отмечается, что в структуре политической власти Древнетюркского государства, особое место занимало военно-политическое устройство конфедеративного типа в форме «эль» (племенного союза), которому было призвано объединять кочевые племена первоначально соплеменников. Позже, другие тюркские племена входили в племенной союз в

целях противостояния враждебным племенам, а также для организации военной компании по отношению к сопредельным государствам и народам.

Истоки конфедеративного типа организации власти были еще заложены в период становления Первого тюркского каганата. В эпоху Великих завоеваний многие покоренные племена оказались в качестве вассальных в составе Тюркского каганата. С течением времени вассальные племена заняли свое место в структуре военно-политической организации в древнетюркском обществе. Покоренные племена составляли военно-административную единицу в каганате, в последующем занимавшую определенную территорию под названием «ок». Восточно-Тюркский каганат подразделялся на тёлёс и тардуш, причем вассальные племена входили в тардуш, аналогично, Западно-Тюркский каганат подразделялся на «он ок», т.е. десятистрельный народ под названием дулу и нушиби [20]. Племена подразделялись по следующим признакам: родственные и неродственные, покоренные и вассальные, в целях их подчинения и управления они были объединены в военно-административные единицы. Необходимо иметь в виду, что кочевое общество является достаточно сегментированным, т.е. для него характерны распад и разрастания родов и племен, без которых оно не может существовать. Конфедерация могла возникнуть внезапно под давлением необходимости, и вступали в союз, и не было результатом длительных усилий различных племён или центростремительных сил. Несмотря на равенство прав, привилегий и власти у членов конфедерации существовали некоторые дискриминационные различия, ставивших одних в более почетное положение по сравнению с другими, в частности, могущественные племена «желтых» тюркшей, подчинивших «черных» тюркшей, но, вскоре, последние оказавшихся на положении первых. В другом случае, племена, имевшие военно-политическое могущество, составившее ядро конфедерации находились на положении привилегированных, так например представители трех карлукских племён (булак, чигиль, ташлык), у караханидов чигиль, ягма занимали высокие посты в управлении, а другие покоренные племена находились в составе конфедерации на положении подчиненных.

В исследовании раскрывается кризис каганской власти, вызванный внутренними противоречиями, нерегулированность вопроса престолонаследия, легитимация власти рода Ашина посредством превосходящей силы, отсутствием абсолютной власти над племенами и родами, отсутствия цементирующей внутренней политической, экономической и административной связей ослабили отношения между каганатом и конфедерацией и в конечном итоге привели к расколу кочевого общества. Каганская власть, не ставшая в качестве балансирующего фактора между враждующими сторонами, не обладавшая силой и средствами для преодоления племенного сепаратизма, центробежных сил, а также не предпринявшая ряд конкретных мер по консолидации кочевого общества усилили положения конфедераций. Объединения племен конфедеративного типа в форме «эль» соответствовала типам организации кочевников, поскольку каждый род или племя оставляло за собой право выхода из этой конфедерации. В принципе

вошедшие группы племен в конфедерацию оставались свободными, еще признавали суверенность отдельного рода, племени, еще отсутствовала постоянная надплеменная структура. Так, если у власти оказались «грусливые» и «неразумные» каганы, некоторые племена могли оставить свой «эль» в данном случае не только народ, но и в целом конфедерацию, перекочевать и стать вассалом китайского императора. В некоторых случаях, противники требовали от вождей племен выхода их из конфедерации, так уйгурский каган Моюн-чур призывал енисейских кыргызов и чиков выйти из состава племенного союза и присоединиться к нему [21].

Следует отметить, что «эль» как форма военно-политического устройства сыграла значительную роль в процессе становления государственности древних тюрков, в последующем ставшей ядром политической власти конфедеративного типа. Таким образом, «эль» как форма политического устройства кочевников в процессе объединения племен складывались элементы политической власти, родоплеменная организация и военно-политическая структура дополняли друг друга. «Эль», как форма политической организации стояла качественно выше, чем просто «орда» или «союз племен», поскольку существовали установленные и принятые порядок, правила и наконец, законы (тору), которых должны были соблюдать все члены конфедерации. Конфедерация племен нушиби и дулу, то они составляли основное политическое ядро Западно-Тюркского каганата, одновременно, являясь военно-административной системой государства.

Таким образом, образование конфедерации была более высокой ступенью политического союза, ориентированной на консолидацию племён, чем система родства, разделённая на племена. Конфедерация была приемлемой формой политического объединения племён в условиях кочевого образа жизни, при господстве системы родства, с тенденцией распада и дробления. Конфедерацию следует ещё рассматривать в рамках этнического процесса, сыгравшая опосредующую роль при переходе от соплеменности к народности.

В исследовании подчеркивается, что в структуре политической власти кочевников особое место занимала триальная система, огромная тюркская держава подразделялась на центр, левое и правое крылья. Данная система была еще введена хуннами, в целях реорганизации кочевого общества по военно-территориальному принципу, создав центр, левое и правое крыло. Позже эта система была заимствована другими кочевыми народами Центральной Азии, в частности, усунями, юэчжами, тюрками, жуань жуанями, киданями, а затем монголами. В условиях кочевой организации общества триальная система оказалась наиболее оптимальной, эффективной и отвечала военным целям и задачам кочевников. Триальная система предусматривала разделение родов и племен по территориальному принципу, расположения которых определялись каганом на основе признания степени родства, генеалогической связи племен и родов к правящей династии. Кроме того, учитывались военно-политическое могущество того или иного племени, рода, влияние и занимаемое место в иерархии родов и племен. Согласно этим критериям, распределялись

территории, место кочевания, участие в походе и раздел добычи. Возможно, еще учитывалась этническая принадлежность племени, в данном случае, тюркоязычные либо монголоязычные племена могли занимать правое или левое крылья. В триальной системе могли находиться и покоренные племена, в качестве вассалов или насильственно инкорпорированных племен. Деление на правое или левое крыло позже, оно соответствовало не племенным, а военно-кочевым держаниям и при делении на два крыла одно племенное или родовое подразделение могло дробиться на две части и попасть в другое крыло.

В триальной системе происходило совпадение общественной и военной структуры, где военные подразделения совпадали с родами и племенами, создавался конгломерат различных групп и осколков старых групп, инкорпорация новых групп и т.д. [23]. Образование триальной системы обуславливали этническое и политическое объединения тюркских племен, консолидация кочевого общества уже не на кровнородственной основе, а по административно-территориальному принципу.

В исследуемой работе рассматривается об организации административной единицы в Западно-Тюркском каганате, что «государство (имеется в виду Западнотюркский каганат) было разделено на десять племен (бу). Каждому племени приказано управлять одному человеку, все они именовались «десять шадов». Каждому шаду жаловалась одна стрела, поэтому именуется «десять стрел». Кроме того, «десять стрел» были разделены на левый (восточный) и правый (западный) отделы, в каждом отделе определено по пять стрел [24].

В письменных памятниках зафиксировано деление Западно-Тюркского каганата на десять поколений или аймаков при Шаболо Хилиши-кагане в 637 г. Так, согласно сведениям источников, каждому начальнику (аймака) было дано по одной стреле, от чего они именовались десять Ше, т.е. шадами и также десять стрел. Они разделились на восточную и западную сторону. В пяти восточных поколениях Дулу поставлены пять великих чоров (кит. чжо) (титул начальника племени), каждый из них управлял стрелой (ок, племя). Они жили от Суяба (кит. суй-е) на восток; в пяти западных поколениях Нушиби поставлено пять великих иркинов (кит. сыгинь, сыцзинь); они жили от Суяба на запад. Подчиненные каждую стрелу называли аймаком, под общим названием - аймаков десяти прозваний. В дулу были пять чжо; в нушиби было пять сыгиней.

В целях эффективного управления военно-административной системой, Ышбара Хилаш-каган (кит. Шаболо Хилиши-кэгань) превратил племенных вождей иркинов и чоров в «управляющих», зависимых лично от него. Для этого, чтобы сделать эту зависимость реальной, каган направил в каждую «стрелу» представителя каганского рода и шада, который не был связан с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти.

В пяти восточных аймаков Дулу входили племена: 1) шэшэти-тон чур; 2) шуниши-чупан-чур; 3) хулуу-кюль-чур; 4) чумукунь люй-чур; 5) туциши хэлоши-чур. Во главе пяти восточных аймаков стояли чуры или чоры. В пяти западных аймаков нушиби входили племена: 1) асицзе кюль-иркин; 2) гэшу

кюль-иркин; 3) юань сайгань тон-шабо-иркин; 4) асицзе нишу-иркин; 5) гэшу чупан-иркин. Во главе пяти западных аймаков стояли иркины [25]. По мнению А.Г.Малявкина, такое разделение государства было вызвано ростом внутренних противоречий, двух племенных союза - дулу и нушиби, составлявшие основу Западнотюркского каганата, вступили в борьбу за главенство. Выражение каган «пяти племен» появилось в китайских источниках, по-видимому, после того как Ышбара Хилиш-каган (634-639 гг.) осуществил важную реформу, разделив страну на десять стрел, по числу основных племен, входивших в два племенных союза [26].

В военно-административной системе Западно-Тюркского каганата каждая «стрела» (ок) составляла военную единицу, т.е. по количеству выставляемых воинов аймаком или стрелой (племенем). Правителей стрел называли «великие главы стрел (кит. да цзянь тоу); «великими вождями» (кит. до шоу мин). Главам аймаков вручали в качестве символа власти стрелу с золотым копьём и личную печать, которые получал каждый из десяти правителей. Это было своего рода «верительная грамота» степного дипломата: собственная стрела и печать ставили вождей племен дулу и нушиби в независимое от кагана положение при любых дипломатических связях.

«Стрела» была формой военно-административной, а не родоплеменной организацией. Возможно, что в состав такой «стрелы» входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один тумен, т.е. тыс. конное войско во главе с «великим предводителем» (шадом), и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Военно-административная система сложилась в Западно-Тюркском каганате в 555 г. подобной той, которая существовала на восточных территориях Великого Тюркского каганата.

Военно-административная система Западно-Тюркского каганата состояла из десяти стрел (он ок будун), подразделявшиеся на племенные группы (пять восточных аймаков) и (пять западных аймаков). Каждая стрела представляла военную единицу, выставявшую десять тысяч воинов, в свою очередь подразделявшиеся на десятки, сотни и тысячи, во главе которых стояли десятники, сотники, тысячники и темники, имевшие титулы чоров, иркинов и беков. Кроме того, стрела (ок) взаимосвязана между собой не только на кровнородственных связях, но преимущественно на связях хозяйственных и территориальных. После падения правящего рода Ашина (658г.) конфедерация Дулу и Нушиби не пыталась реанимировать его, не стремилась возродить единство каганата. Между тем, внутри конфедерации шла борьба за политическое господство в каганате, противники централизации понимали, что усиление каганской власти может привести к ограничению власти удельных правителей, к ущемлению их интересов, снизить их социально-политический статус в кочевом обществе и т.д. Междоусобицами в каганате воспользовались танские правители, установив протекторат над бывшими владениями Западнотюркского каганата.

В третьей главе - «Формирование политической власти феодального типа в Караханидском каганате X-XII вв.» - исследуются экономические и политические факторы формирования политической власти феодального типа, дается анализ трансформации власти от кочевого типа к феодальному типу, а также характеризуется система управления и структура политической власти караханидов в X-XII веков.

К X-XI вв. в Семиречье сложился хозяйственно-политический симбиоз, приведший к специфическим формам феодальных отношений, т.е. раннефеодальной военно-ленной системе и получившее дальнейшее развитие в тюркских империях Средней и Передней Азии. Вместе с тем симбиоз кочевого и оседлого населения в Караханидском каганате имел положительные последствия, отразившиеся во взаимовлиянии и взаимообогащении тюркской кочевой и оседло-земледельческой культуры, развитии торговли и ремесел, в подъеме экономики, а также в области этногенетических процессов. Государство Караханидов, продолжал властвовать на первых порах по традиции своих великих предшественников тюрков. Однако, оно не стало их повторением ни в экономическом, ни в социально-политическом плане. Здесь возникла и оформилась политическая система с иной, отличной от восточно-центральноазиатской, культурной ориентацией.

В результате оседания кочевого и полукочевого скотоводческого населения Кыргызстана в течение VIII-X веков и ведение оседло-земледельческого хозяйства с освоением долинных и предгорных земель дал огромный толчок в развитии кочевого общества. Развитие оседло-земледельческого хозяйства сопровождалось появлением и ростом больших и многочисленных поселений, городов. В процессе формирования оседло-земледельческих поселений и городов Кыргызстана значительную роль сыграли согдийские колонии, которые одновременно являлись торговыми и ремесленными центрами на торговых путях из Передней Азии в Китай. Колонизационная деятельность согдийцев в Семиречье с III по VIII веков оказала огромное влияние на оседания местных кочевников-скотоводов, на формирования типов городов и поселений с оседло-земледельческим населением и связанные с ними изменения хозяйственной деятельности кочевников. Так, письменные источники сообщают о том, что часть карлукских племён, чигиль, ягма вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Все вышеназванные факторы создали предпосылку и обуславливали становление и развитие феодальных отношений в Кыргызстане в VIII-X вв. В последствии согдийские переселенцы были оторочены местным населением в течение VIII-XII вв.

В обобщающем и систематизированном виде в диссертации дается предпосылки трансформации кочевого общества, что указанный период в среде самого кочевого общества развивалась тенденция закрепления собственности на пастбище, хозяйственные угодья за каганом и его окружения, за удельными правителями и за крупными племенными вождями. На таких закрепленных владениях строили крепости, селения, подтверждающие их принадлежность

конкретному владельцу. Так, несколько пастбищных угодий в Таласской долине принадлежали кагану [27].

Синтез кочевых и оседлых типов хозяйств создали предпосылку возникновения феодальных отношений и принятие ислама в качестве государственной религии Караханидского каганата (960 г.), существенно трансформировали тип политической организации кочевников, институциализация власти по феодальному типу, бюрократизация системы управления и связанные с ней административно-экономические функции политической власти, а также появлению других новых феодальных порядков. Процесс оседания полукочевых хозяйств, развитие тенденции собственности на пастбище и хозяйственные угодья, становления, развития городов и селений в VI-X вв., формирования феодального типа организации хозяйственной жизни создали условия для дальнейшего развития феодальных отношений в Семиречье. В эпоху караханидов под влиянием оседлого населения широко пользовались достижениями опыта политического управления саманидов, на его основе были определены принципы государственного мышления, установлены моральные качества правителя, а также для его подданных [28].

Особое внимание заслуживает вклад кочевников в формировании политической организации феодального типа в ходе взаимодействия двух этносов: оседлого согдийского и кочевого тюркского населения одновременно переходивших к феодальному обществу. Вклад кочевников усматривают преимущественно в сильной централизованной военной организации, которая обеспечила самостоятельность политического объединения, и на основе которой затем складывались феодальные административные институты. Политико-экономический симбиоз, позволил в результате синтеза различных форм политических структур, когда с одной стороны кочевники, сумевшие объединить военно-политическим путем кочевых и оседлых типов хозяйств и организаций, соединить этнополитически разделенных тюрков и согдийцев. А с другой стороны, внедрить бюрократический аппарат в систему управления позволили кочевникам безболезненно трансформироваться и создать новые феодальные типы и форм экономической деятельности и политической организации государственного управления. Необходимость трансформирования политической власти кочевников обуславливались рядом факторов. Во-первых, ханской власти и родовой аристократии были необходимы изменения форм и организаций для регулирования отношений с оседлым населением, чтобы поддерживать отношения, подчинения, установившиеся между кочевниками и оседлым населением; во-вторых, требовалось создать нечто новое, что включало бы в себя принесенную ими племенную организацию и некоторые формы, заимствованные у местного населения; в-третьих, племенная организация и кочевое хозяйство не обеспечивались стабильным доходом в том смысле, что прибавочный продукт самими кочевниками не создавался; как известно, в кочевом обществе не была развита внутренняя эксплуатация, только за счет внешней эксплуатации (набеги, грабежи, дань) пополнялась казна, и то в целях обеспечения очередного похода или набегов.

После завершения политического объединения перед караханидами встал вопрос, как управлять страной с оседло-земледельческим и кочевым населением, как осуществлять прочное господство над покоренным населением, поскольку кочевой тип политической власти оказался непригодным и неэффективным для управления. По мере расширения границы каганата и включения в состав каганата новых этносов с более развитой оседло-земледельческой культурой, караханиды столкнулись со сложной системой государственного аппарата, организацией управления, в связи с этим возникла потребность реорганизации своей системы управления по их типу. Появилась необходимость в создании более стабильного и действенного бюрократического аппарата.

В работе рассматривается политическая структура Караханидского каганата, которая прошла в своем развитии несколько этапов. Начальный период (приблизительно с конца 40-х годов до начала 90-х годов X века) характеризуется созданием административных и финансовых органов, в это же время формируются кадры чиновников, из числа оседлого населения, главным образом из духовенства, в числе которых имелись секретари (катибы), переводчики, советники и послы.

Караханидские правители-илек-ханы, стали окружать себя людьми, имеющими опыт государственного управления, в частности, бывшие саманидские чиновники, люди недовольные саманидской властью, которые предложили свои услуги караханидам, т.е. новой власти.

Следующий этап формирования политической власти Караханидского каганата, охватывающий период примерно с конца 90-х годов X в. до 30-х годов XI в., знаменуется созданием более или менее стройной системы управления. Возникают постоянные органы власти, (диваны) складывается иерархия гражданских, военных, судебных и других чинов.

Процесс формирования политической власти в Караханидском каганате был относительно длительным, и она развивалась и крепла в ходе завоеваний. После завоевания Саманидского государства караханидами, здесь оказались две крупные политические силы (пришлые тюркские феодалы, располагавшие многочисленным и боеспособным ополчением своих кочевых соплеменников, и местная феодально-земледельческая знать, державшая в руках административный аппарат), вынужденные сосуществовать друг с другом, поскольку ни одна из них не могла обойтись без услуг другой [29]. В некоторых покоренных областях владетелей оставляли у власти, а в других, производили замену старой администрации новыми органами управления. Переход от режима военной оккупации к административному управлению завоеванными областями потребовал создания постоянных органов власти. На первых порах караханидские правители довольствовались взиманием дани или контрибуцией с захваченных земель. Однако постепенно вводится система регулярных налоговых сборов. Наряду с этим создается институт везиратство (секретариат) и другие органы управления, которые возглавлял везир.

В работе анализируется, что в период господства караханидов в Центральной Азии каганская власть подверглась трансформации под влиянием структуры и организации политической власти покоренного населения, в частности, Саманидов, последние в свою очередь основывались на опыте государственного управления сасанидского Ирана.

Каганская власть, как и прежде, оставалась центром политической власти, где сосредотачивались все нити управления, как по вертикали, так и по горизонтали. Хотя, каган внешне сохранял за собой могущество, неограниченную власть над подданными, но вместе с тем развивалась тенденция усиления исполнительных органов, которые на деле укрепляли центральную власть, устанавливали каганскую власть в покоренных областях.

Однако, власть кагана X-XI веков отличалась от предыдущей тюркской эпохи тем, что каган не ограничивался завоеванием или взятием дани с покоренного населения, перераспределением материальных ресурсов и т.д., он стремился, опираясь на исполнительные органы управлять страной, т.е. между каганом и подданными образовался бюрократический аппарат, управляемый доверенными людьми кагана, имеющие свои функциональные обязанности и полномочия. Власть кагана пытается институционализировать свою позицию доминирования и превосходства, превратить ее в систему господства [30]. Каганская власть расширяется, выходит за рамки политической сферы, распространяет свою власть на экономическую сферу. Каган непосредственно контролирует и перераспределяет земельный фонд, ренту-налог, т.е. из обладания движимой собственности к недвижимой, от набегов к установлению военного режима и администрированию покоренного населения, от взимания ежегодной дани к системе налогообложения. Для эффективной реализации каганской власти по отношению к подданным политические рычаги оказались недостаточными, стало необходимым применение экономических рычагов по отношению к подвластным людям, которые были готовы служить кагану ради участия в распределении материальных благ [31]. Регулярные набеги на соседней за добычей не обеспечивали стабильным доходом, при получении ежегодной дани, номадов каждый раз им приходилось демонстрировать военную силу, при этом, не всем доставалась добыча в достаточном объеме, тогда как при налоговой системе, вся верхушка власти имела стабильный доход от поступлений налогов и для содержания наемной армии.

Сакрализация каганской власти имела иную концепцию, нежели до исламского периода, так власть дана кагану Всевышним, в данном случае Аллахом, так как каган является исполнителем его воли на земле и несет определенное «моральное» обязательство перед Аллахом [32]. Караханиды, оказавшиеся в зоне мощного воздействия исламской культуры, к X в., пустившая свои корни глубоко в Мавераннахре, её влияния расширили представления о власти, и последняя, уже, опирающаяся на религиозно-идеологическую основу, в конечном итоге, определившая пути политического развития Караханидского каганата. Ислам сыграл весьма конкретную практическую роль, способствовал дальнейшему развитию института

политической власти в средневековых государствах Центральной Азии, в том числе в номадических.

В работе устанавливается, что в Караханидском каганате номадические элементы политической структуры власти не были окончательно вытеснены исламом, во всяком случае, на первоначальном этапе. Каган, как и прежде, представлял главу царствующего рода, и являлся верховным сюзереном всех подданных государства, имел верховное право распоряжаться всей территорией страны, всеми землями, принадлежащими племенам и удельным правителям, право, которое было следствием его основной функции и главной обязанности - вооружённая охрана страны от внешних врагов. За каганом оставалось право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск. Кагану принадлежало верховное право вести переговоры с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства. Каган являлся верховной судьей и законодателем, поскольку ему принадлежали право решать судьбу виновного и издавать законы, в целях сохранения существующего общественного устройства и порядка [33]. Кроме того, прерогативы каганской власти были огромны, он считался верховным распорядителем всего государственного и каганского имущества. Только каган имел право давать земельные наделы в условную или наследственную собственность. Каган был обязан контролировать деятельность государственного аппарата, разбирать жалобы вельмож и должностных лиц. Он должен был ведать не только гражданскими, но и военными делами, назначать и смещать полководцев. Власть кагана теоретически считалась неограниченной, но при решении важных государственных дел каган мог устроить совет с высшими сановниками. Подобный совет не был постоянным институтом власти, но позже в условиях феодальных усобиц и ослабления центральной власти советы придворной знати приобретают значимость и начинают играть более заметную роль во внутривластной жизни Караханидского каганата [34].

В исследовании подчеркивается, что в институте каганской власти важное место занимал принцип передачи власти, сохранившийся за правящим родом. Вопрос престолонаследия у караханидов первоначально сохранялся традиционно восходящей еще к древнетюркскому времени удельно-лестничной системе, т.е. когда власть переходила не от отца к сыну, а к следующему по старшинству члену династии - от старшего брата к младшему, от младшего дяди к старшему племяннику и т.д. В соответствии с занимаемым местом в иерархии члены династии получали тюркские титулы, менявшиеся по мере продвижения по иерархической лестнице. Кончина одного из высших членов иерархии вызывала передвижки на всех нижележащих уровнях иерархической пирамиды [35]. Как известно в номадических государствах отсутствовал фиксированный закон о порядке наследования престола. В связи с этим, практически все наследники монарха формально имели право претендовать на ханскую власть. В конечном итоге это приводило к тому, что после смерти каждого правителя разворачивалась борьба за трон между различными

претендентами и их сторонниками, при этом каждая из соперничающих сторон обосновывала свои права на власть как единственно законное.

С течением времени традиционная кочевническая форма передачи власти стала вытесняться оседло-земледельческим принципами передачи власти. Первым нарушил традиционный порядок наследования Али б. Хасан правитель Западнокараханидского каганата, оставивший престол своему сыну Юсуфу. Однако Юсуф б. Али не унаследовал ханский титул, т.е. он оставался в рамках традиционной иерархической системы. Окончательно порвал с этой системой только Ибрахим б. Наср, последний после завоевания Самарканда в 431/1039-1040 гг. присвоил ханский титул, положив начало отдельному Западно-караханидскому каганату, где был только один государь, и где власть передавалась от отца к сыну.

В Восточно-Караханидском каганате традиционный порядок наследования нарушил уже Арслан-хан Сулайман, заняв в 423/1032 г. оставленный отцом трон при жизни дяди, но еще долго (по крайней мере до конца XI в.) здесь сохранялась и дуальная система власти, и очень большая самостоятельность удельных правителей. В XII в. и тут власть сосредоточилась в руках одного хана. Таким образом, можно сказать, что ликвидация удельно-лествичной системы была победой оседлых традиций организаций власти над кочевническими, принцип передачи власти осуществлялся по семейно-клановой или династийной линии, согласно которому верховная власть закрепляется исключительно за представителями одной семьи [36].

В исследовании рассматривается, что в структуре политической власти Караханидского каганата особое место занимал институт соправительства и архаическая, так называемая дуальная система. Последняя, в период караханидов продолжала оказывать сильное влияние на политическую жизнь в государстве. Как известно, дуальная система представляла собой древненомадическим институтом власти, сохранившим свой принцип разделения политической власти на крылья, на восточную и западную либо в данном случае, в династийной линии на старшую и младшую ветвь. Разделение власти у караханидов сложилось в результате длительной борьбы между двумя ветвями династии - потомками Арслан-илека Настро б. Али («Алидами») и потомками Богра-хана Хасана (Харуна) б. Сулеймана («Хасанидами») - в 433/1041-1042 г. единый каганат раскололся на два отдельных караханидских государства: восточное со столицей в Баласагуне (позднее в Кашгаре) и западное со столицей в Узгенде (позднее в Самарканде). В каждом из них сохранился институт соправительства и система управления (с двумя каганами, четырьмя нищими каганами и т.д.). Согласно дуальной системе во главе государства стояли два правителя: верховный (Арслан Кара-хакан) и каган соправитель (Богра Кара-хакан) [37].

Дуальная система власти была введена караханидами при сыновьях первого кагана - Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане. Власть в Караханидском каганате оказалась разделенной между знатью двух карлукских племен: чигилей и ягма. Внешне это выразилось в разделе империи на две

части: восточную и западную во главе со своими каганами. Верховным каганом считался восточный каган из чигилей, имевший титул Арслан-Кара-хакан, западный же, младший каган из племени ягма, носил титул Богра Кара-хакан и имел ставку в Таразе, а позднее в Кашгаре. Караханидские соправители носили особый титул «илек», «илик» или «элик», означавший не «хан», а подчиненный хану правитель, государь, властитель.

В Западно-Караханидском каганате при Ибрахиме б. Насре сложилась другая система передачи власти, покончив с дуальной системой верховной власти и сделав самаркандский престол наследственным [38]. Следует отметить, что дуальная система, институт соправительства в Караханидском каганате создали предпосылку раздвоения территории государства, во главе каждой из них стояли правители с особыми титулами. Как правило, правитель восточной части признавался главным, верховным, а правитель западной части считался младшим соправителем. Правители обеих частей находились в родственных связях, и в результате междоусобных войн они окончательно разделились и стали самостоятельными и независимыми государствами.

В исследовании обосновывается, что в структуре политической власти караханидов расширялись и развивались органы исполнительной власти, тенденция бюрократизации и структуризации органов управления приобретает более отчетливую форму, функциональные обязанности определяются согласно занимаемой должности в иерархии власти. Появляются новые органы управления, связанные с финансами, земельными отношениями, городами и религиозными учреждениями, торговыми рынками, почтой и различными ведомствами, ранее отсутствовавшие у кочевников в VI-IX веков. Можно сказать, что произошла структурная перестройка системы власти и управления, в результате социально-экономических факторов происходившие в караханидском обществе в первой половине X в.

В Караханидском каганате гражданская бюрократия, которое занимало особое место в структуре политической власти и государственного управления, получила свое дальнейшее развитие. Необходимость развития гражданской бюрократии в каганате объективно обуславливали наличие оседлого населения, имевший опыт административного управления и необходимость централизованной эксплуатации покоренного населения, а также изменения характера экономических отношений, которая требовало иной тип организации и управления. Исполнительный орган стал, более гражданским с его функциями и задачами, военные уже не играли важной роли, которая была у них в эпоху Древнетюркского каганата. Каган теперь больше опирался на гражданскую бюрократию, связанную с феодальной собственностью и экономически зависела от правителя. Это позволило кагану укрепить центральную власть, частично преодолеть племенной сепаратизм, опираясь на оседлое население, которое являлось основными производителями земледельческого продукта и источниками налоговых поступлений.

Бюрократическая система в караханидском обществе не достигла своего полного развития, поскольку родоплеменная организация кочевников

оставалась достаточно сильной, и она не была окончательно вытеснена и заменены элементами оседлого управления. Кроме того, политическая власть в государстве находилась в руках кочевников, в принципе они определяли, какая система управления считать для них приемлемой. Необходимо учитывать другой фактор, поскольку в целом кочевое хозяйство оставалось экстенсивным и доминирующим в экономической жизни каганата.

Первоначально в державе Караханидов не было единой системы управления оседлым и кочевым населением. Административная власть над племенами осуществлялась через родоплеменную верхушку. У караханидов не было специальных промежуточных структур или аппарата, управлявших подданным населением. Эту функцию выполняли могучие влиятельные беки, занимавшие особое место в управлении государством. По мере расширения и утверждения власти караханидов на завоеванных землях стало необходимым укрепление центральной власти, в том числе и исполнительной власти. Кроме того, в целях эффективного управления и четкого исполнения функциональных обязанностей различных ведомств и всего бюрократического аппарата, который был разделен и состоял из двух частей: на дергах (у саманидов «даргох»), т.е. царский двор и диваны, военно-гражданские ведомства, возглавлявшие соответствующими должностными лицами. По этому поводу В.В.Бартольд отмечал, что деление всех органов управления на две большие категории, на дергах (дворец) и диван (канцелярию) проходит через всю систему восточно-мусульманской политической организации [39].

Далее в работе отмечается, что с бюрократизацией политической власти усиливалась роль исполнительного органа, вместе с тем изменился сам характер управления, стал более организованным, системным и приобретала черты государственности, тем самым повышался авторитет центральной власти. Из ранее существовавшей в кочевом обществе военно-административной системы стали выделяться функции гражданского управления, связанные централизованной эксплуатацией местного оседлого и кочевого населения.

Основные функции дивана как исполнительного органа это централизованное управление каганатом подчинение и контроль всех властных структур, как в центре, так и на местах; централизованная эксплуатация населения; учет и контроль поступлений налогов; распределения и перераспределения доходов; земельной собственности и владений; укрепления каганской власти; охрана и защита от внешних посягательств. Организация и деятельность дивана соответствовали тем целям и задачам караханидского общества, главным образом, каганской власти и ее окружения. Что касается дергах или дворцовой администрации, то она призвана для обеспечения каганского двора всеми необходимыми для хозяйственного жизнеобеспечения, начиная от поставок фуража до организации соколиной охоты. Люди, приписанные к каганским владениям, снабжали дворцовые оклады для поддержания каганского хозяйства и удовлетворения потребностей кагана. Их работа находилась под наблюдением чиновников дворцовой администрации,

каждый из которых заведовал специальным департаментом, занятым разведением лошадей и скота, сбором зерна и овощей, охотой и рыболовством.

Диван, как орган исполнительной власти каганата, представлял собой структуру и организацию феодального типа, и по своим функциям и задачам он состоял из несколько ведомств, в том числе, по видам деятельности: хозяйственно-финансовый, налоговый, религиозный, судебный, земельный, почтовый и военный [40]. Во главе каждого из них стояло должностное лицо, в подчинении которого находился штат помощников в каждом ведомстве. Круг их обязанностей определял глава ведомства. В штат гражданских чиновников отбирали из числа, как оседлого населения, так и кочевого, среди которых были бывшие чиновники саманидов, перешедшие на службу караханидам, владевшие опытом административного управления, многие из них, занимавшие высшие административные должности в Саманидском государстве. Согласно установленному правилу, все претенденты на административную службу должны пройти по конкурсу, прежде всего они должны отличаться личными моральными качествами, уметь вести дела, быть исполнительными, порученное дело выполнять вовремя. И в течение определенного времени набрать опыт и таким образом доказать свою способность к административной работе.

Итак, в эпоху караханидов политическая власть и система управления трансформировалась под влиянием оседлого населения, в частности, согдийцев и саманидов. В системе власти бюрократический аппарат, который находился между каганом и его подданными являвшийся исполнительным органом и состоявшийся из дергах (дворцовая администрация) и дивана (военно-гражданское ведомство). Бюрократизация политической власти усилила роль исполнительных органов в управлении государством. Бюрократический аппарат называемый диваном состоял из нескольких ведомств, управлявшие фискальными, финансовыми, земельными и военными органами направленные по централизации власти, эксплуатации населения, распределения прибавочного продукта и т.д. Управления на местах возлагались на отделения различных ведомств, раисов и на беков, возглавлявших крупные племенные ополчения и являвшиеся опорой государства.

В четвертой главе - «**Внешняя экспансия как фактор усиления политической власти номадов Притяньшаня**» раскрываются внешнеполитические отношения государства Усунь с империей Хань и державой Хунну, особое внимание уделяется внешнеполитической борьбе кочевников Притяньшаня за политическое господство в Центральной Азии в VI-XII веков. Кочевники Центральной Азии, в том числе Притяньшаня постоянно вступали в контакт не только из экономической необходимости, но из политических взаимоотношений.

В работе указывается, что во взаимоотношениях с крупными оседло-земледельческими цивилизациями требовалась более мощная военно-политическая структура, именуемой кочевой империей. В процессе завоевания политическая власть укрепляется и усиливается за счет инкорпорации новых племен и концентрации в руках правящей династии в огромном количестве

материальных и людских ресурсов, которые подлежали для редистрибуции среди своих соплеменников. Таким образом, война и внешняя" эксплуатация являлись важнейшими факторами возникновения кочевого государства и империи.

Зависимость кочевников от внешнего мира определялась и еще одним фактором. Дело в том, что кочевое скотоводческое хозяйство как экономическая система отличается хронической нестабильностью, вызывавшая циклические колебания, массовый падеж скота и последующий голод, связанные с природными катаклизмами и эпизоотиями. В перспективе последствия могли быть весьма негативными [41]. Как известно, одним из требований кочевников было открытие приграничных рынков Китая для меновой торговли. Однако, китайцы на это шли неохотно, поскольку, во-первых, они рассматривали торговлю с кочевниками в качестве политического инструмента, т.е. могли оказывать давление на кочевников, принуждая их к вассальной зависимости, во-вторых, ханьский двор опасался экономической независимости номадов, в третьих, в обход государства доходы могли уйти из казны китайского правительства, которому пришлось бы конкурировать с собственными подданными [42].

В исследовании отмечается, что для проведения успешной экспансии кочевое общество должно быть достаточно консолидированным. При этом, чем сильнее объект вторжения, тем выше требования к централизованности и сплоченности номадов. Большинство кочевников были заинтересованы иметь максимальную выгоду от экспансии. Однако в процессе экспансии перед завоевателями возникали новые проблемы. От их правильного решения зависела стабилизация политической власти, укрепление социальной и имущественной позиции кочевой аристократии, превращение ее в господствующий класс по отношению к покоренному населению и по отношению к рядовым кочевникам. Подобная экспансия могла смягчить и разрешить внутренние проблемы, возникающие у кочевников из-за возрастающих социальных различий, так как способна была выносить их вовне, решать за счет подчиненного или завоеванного общества [43].

При ханьском дворе были разработаны специальные стратегии, так называемые «пять искушений», чтобы «руками варваров подавлять варваров». И если, первая из них была направлена на то, чтобы ослабить и разрушить кочевое общество изнутри, то вторая, разгромить кочевников с помощью их же соплеменников [44]. Для реализации своей стратегии ханьский двор приступил к энергичному поиску союзников в целях создания антихуннской коалиции.

На начальном этапе Ханьский двор придерживался в отношении государства Усунь политики «мира и родства» (хэцинь). Успешная внешняя политика У-ди способствовала не столько развитию торговых связей с дальними странами, сколько расширению территории империи, укреплению ее границ [45].

Хунны, обеспокоенные активностью усуней, вступили на территорию Чэши (Турфан) и заключить с ними военный союз. Хуннам также стало

известно о возраставшем влиянии проханьской группировки при дворе гуньми, и пытались вырвать корень ханьского влияния мирными средствами, однако в этом они потерпели неудачу. Тогда хунны решили захватить силой усуньские земли Чэяньэши, а также потребовали от усуней разрыва дипломатических отношений ханьским Китаем и выдачи им китайской принцессы. В конечном счете, в результате двух сражений усуней с хуннами (весна 71 г. до н.э.; зима 71/70 г. до н.э.), в которых усунь одержали верх и укрепили свою позицию в этом регионе. Следует отметить, что усунь сыграли решающую роль в разгроме хуннов, и тем самым усилился их престиж. Однако, это не входило в планы Ханьской империи, которая предприняла дипломатические усилия для того, чтобы подорвать влияния Усунь в Западном крае.

После разгрома Хуннской державы усуньско-китайские отношения вступили в новую фазу, чему способствовало укрепление брачных уз между потомками Гуньмо и императорского двора. Ханьский император понимал, что брачное родство с усунями позволит ему вмешаться во внутренние дела государства Усунь и более того, поддерживать проханьскую группировку в среде усуньского общества. В результате интриг и угроз со стороны ханьского двора государство Усунь было разделено на две части, аналогично империи Хунну, «акт разделения власти между великим и малым гуньми, изменивший политическое устройство Усунь, состоялся в первой половине 55 г. до н.э.» [46].

Таким образом, внешнеполитическая стратегия ханьского Китая на протяжении периода с середины II в. до н.э. по I в. до н.э. трансформировалась от жесткой политики в отношении с кочевниками к «миру и родству». Военно-политический союз между государством Усунь и Хань был направлен на вытеснение хуннов из Западного края и утверждение ханьского Китая в этом регионе. Решающую роль в разгроме хуннов сыграли усунь, и тем самым усилилось могущество Усунь и её влияние на Западный край. Хань приложила огромные дипломатические усилия с целью подорвать престиж Усунь в этом регионе. В результате, военно-политический союз, заключенный между двумя государствами, позволил вмешаться ханьскому Китаю во внутренние дела государства Усунь при поддержке проханьской группировки, расколоть государство Усунь на два владения: великий и малый гуньми.

Государство Усунь в своей внешнеполитической ориентации не очень был заинтересован в усилении империи Хань и державы Хунну в Западном крае, поскольку их активность снижало участие усуней в торгово-экономических и политических связях с земледельческими оазисами Ферганы и Восточного Туркестана.

В исследовании анализируется сложившаяся в середине VI в. международная обстановка в Центральной Азии, которая значительно изменилась после образования Великого Тюркского каганата. Китай перестал быть единственным, могущественным государством в этом регионе. Длительные и сложные политические изменения в Центральной Азии оказали большое влияние на широту и интенсивность межгосударственных отношений

Тюркского каганата с сопредельными государствами. После образования Тюркского каганата, тюрки впервые вступили на международную арену как самостоятельный субъект, определявшие интересы борьбы направленные на расширение территории, на приобретение богатств, рабов, на рынки. Отсюда вытекало: поиски союзников, стремление к гегемонии, к обеспечению внешней безопасности государства и образование военно-политических группировок, захват новых земель [47].

Образование Тюркского каганата в середине VI века в Центральной Азии существенно изменило соотношение сил в этом регионе. Суйско-Танский двор понимал, что в борьбе за гегемонию противостоять такой мощной кочевой державе как Тюркский каганат будет непросто. Взаимоотношения между Тюркским каганатом и Суйско-Танской империями, продолжавшиеся более двух веков, были направлены на ослабление, а затем вытеснение друг друга из зоны торгово-экономического и военно-политического контроля на пространстве Великого шелкового пути. Тюрки продолжали искать мирные контакты с Китаем и развивать с ним меновую торговлю, т.е. домашний скот на шелк на приграничных территориях, в необходимых случаях с требованием и угрозой вторжением. Однако, в Китае это воспринималось неоднозначно, и, как правило, на действия кочевников давались стереотипные объяснения, в частности, об их воинственном характере, жестокостях и т.д. о чем неоднократно упоминается в китайских летописях.

В работе содержится, что на внешнеполитические отношения Тюркского каганата наложили отпечаток особенности политической организации кочевников, внутренние противоречия подрывали военную мощь и ослабляли активность внешней политики государства. Исходные позиции внешнеполитической стратегии кочевых и оседло-земледельческих государств не всегда совпадали, если не противоречили их системе представления об окружающем мире. Их система представления определила взаимоотношения кочевников с земледельческими народами, легла в основу внешнеполитических связей, когда одна из сторон должна была признать политическое господство другого, которое выражалось в присылке дани, посещения двора или ставки правителями зависимых владений и племен, участия в войнах на стороне союзника.

Такие могущественные государства того времени как Суйско-Танская империя, Сасанидский Иран, Византия имели достаточно хорошо разработанную внешнеполитическую доктрину, тесно связанную с имперской идеологией [48]. Относительно тюрков, они не имели развитой теории дипломатии, но они обладали практическими навыками и были хорошо осведомлены о подобных теориях у соседей. Еще до образования Тюркского каганата, тюрки вступали в дипломатические отношения с северокитайскими государствами (Бэй-Чжоу, Бэй-Ци), с крупными племенными союзами телесцев и киданей.

Во внешней политике Тюркский каганат в большей степени опирался на военную силу, за обладание материальными ресурсами, утверждение на

захваченных землях, в меньшей степени руководствовались дипломатией, не хватало гибкости в политике, в отношении покоренного населения. Тогда как китайцы обладали целым комплексом опытов дипломатических и межгосударственных отношений и другими специфическими решениями проблем в отношении сильных соперников и зависимых владений для достижения реальных целей.

В работе устанавливается, что Суйская, а затем Танская империи всячески препятствовали торгово-экономическим отношениям кочевников с земледельческими оазисами Центральной Азии, в частности, расположенные в Восточном Туркестане, на торговых путях, поскольку китайцы опасались, что со временем оазисы могут оказаться под контролем тюрков. Более того, китайские средневековые империи рассматривали земледельческие области Восточного Туркестана как подвластные территории, поэтому последние не могли самостоятельно вступать в контакт с кочевниками, это могло привести к отпадению вассальных княжеств, находящихся в зависимости от Китая. Китай ревностно следил за действиями вассалов, в случае, если кто-либо из вассалов оказывался строптивым или неугодным, то к нему применяли превентивные меры, в ход пускали интриги, заговор, лишение высочайшего сана, если необходимо, трона, поддерживая и выдвигая вероятного и удобного им претендента на престол.

После покорения тюрками всей Центральной Азии под их контролем оказались все ответвления торговых путей, связывающие Восток и Запад и тюрки по достоинству оценили, какую выгоду можно извлечь от международной транзитной торговли. Возможно, им способствовали действия согдийских купцов, которые являлись жителями торговых и ремесленных факторий, расположенных на всем протяжении Великого шелкового пути.

В процессе завоевательных походов тюрков западной части Центральной Азии, где они столкнулись с другими цивилизациями как Иран, Византия, не уступающие по своим достижениям китайской цивилизации, с которыми вступили в контакт. Таким образом, для тюрков был разрушен стереотип, что китайская цивилизация не является единственной, что нужно переориентировать свои внешнеполитические связи на Запад, где можно наладить торгово-экономические отношения с оседло-земледельческими областями без рычагов политического давления со стороны, которое имело место во взаимоотношениях Суйско-Танской империей.

Возвышение тюрков, укрепление их государственности, покорения ими западной части Центральной Азии, контроль над торговыми путями со стороны Тюркского каганата, его вступление в торгово-экономические и политические связи с Ираном, Византией не могли не вызвать определенные беспокойства Суйской и Танской империй. Суйско-Танская империя предприняли ряд практических мер по ослаблению, а затем разрушению Тюркского каганата как самостоятельного международного субъекта. Средневековая китайская внешняя политика, основанная на традиционной конфуцианской идеологии, использовала формы тайной и явной дипломатии в отношении тюрков, которые

в скором времени дали свои положительные результаты, в конечном счете, китайцам удалось добиться цели, разрушив Тюркский каганат по частям.

В диссертации указывается внешнеполитические отношения номадов Притяньшаня, охватывавшие следующие этапы: 1) 552 по 581 гг., 2) 582-657 гг. 3) 699-744 гг., 4) 766-940 гг. Каждый из этих этапов характеризуется внешнеполитическими событиями, которые имели свои особенности, и отмечается спадом или активностью отношений номадов с сопредельными государствами. Вмешательством внутренних и внешних сил в межгосударственные отношения и их отражение на внутривосточную обстановку в каганате.

Внешнеполитическая задача, стоявшая перед Западно-Тюркским каганатом была борьба за контроль над торговыми путями, обеспечение их безопасности и нормального функционирования караванной торговли, которая приносила огромные доходы, где интересы правящей династии и оседлого населения, в частности, согдийских купцов совпадали.

Власть западнотюркских каганов зависела от стабильности в государстве. В условиях полиэтничного населения, в обуздании воинственных кочевников, формировались политические силы из племенных групп дулу и нушиби, оказывавшие влияние на внутривосточную жизнь государства, и претендовавшие на власть в каганате. Все вышеперечисленные внутренние факторы создавали **определенную нестабильность** в государстве и ослабление династии ашина, в свою **очередь** это **вело** к очередному расколу, междоусобным войнам, принятию вассалитета и т.д., все это было на руку Танской империи.

Таким образом, западнотюркские каганы пытались установить гегемонию во всем центральноазиатском регионе, стремились обеспечить безопасность торговых путей, развитию караванной торговли, которая приносила огромные доходы кочевому и оседлому населению. Внешнеполитическая стратегия Суйской, а затем Танской империи были направлены на ослабление и недопущение нового объединения кочевого государства под началом Западнотюркского каганата. Танской империи удалось дипломатическим и военным путем внести раскол в каганате, принять вассалитет Среднего государства, при необходимости на его территории образовать марионеточное государство. Однако, несмотря на политику «умиротворения» со стороны Танской империи, Западно-Тюркский каганат продолжал ожесточенную борьбу за свободу и независимость, для достижения этих целей препятствовали борьба за власть двух племенных групп Дулу и Нушиби, приведшие к расколу государства на две части, междоусобным войнам и в конечном итоге оказавшихся в подчинении Танской империи.

В борьбе за гегемонию в Центральной Азии победителем вышел Китай, поскольку ему удалось расколоть Тюркскую державу на две части, установить протекторат над частью тюрков и окончательно вытеснить их из зоны торгового пути. Попытки Тюркского каганата установить торгово-экономические и дипломатические отношения с Китаем рассматривались с его

стороны как признания вассальной зависимости тюрков. Внешнеполитическая доктрина императорского Китая по отношению кномадам оставалась неизменной, ставшая универсальным политическим инструментом подавления «варваров» при любых исторических периодах и обстоятельствах складывавшихся в центральноазиатском регионе в течение тысячелетия.

В работе рассматривается, что с ликвидацией единого, независимого Западно-Тюркского каганата начался новый этап (699-744гг.) за господство в Центральной Азии, на политической арене появились уйгуры, карлуки, тюргеши, тибетцы и кыргызы, продолжавшие борьбу за независимость, стремившиеся к расширению своих владений и противостоящие экспансии Танской империи.

Возвышение тюргешей обуславливалось сложившейся политической ситуацией в центральноазиатском регионе, когда на рубеже VII - VIII вв. с юго-запада угрожали вторжением арабы, на юго-восточной границе тибетцы беспокоили набегами Восточный Туркестан. Танский двор рассчитывал, что в этой ситуации народы, обитавшие в этом регионе, изъявят желание принять китайское подданство, после чего внести организующее начало подобно институту наместничества. Однако население Средней Азии ждали реальной помощи, т.е. прислать войско против арабских завоевателей, они хотели получить защиту от врагов. Китай рассматривал эту проблему иначе, снимать войско с восточной границы не решался, поскольку там шла война с восточными тюрками. Необходимо осуществлять эти мероприятия местными средствами, не привлекая дополнительных сил, в данном случае из Китая. Китай нуждался в создании огромной армии из числа верных ему союзников и с их помощью раздавить Тибет.

Таким образом, Тюргешский каганат, просуществовавший около 40 лет, проводил активную внешнюю политику, удачная восточная политика Сулук-кагана позволила нейтрализовать агрессивные устремления Танской империи, Восточнотюркского каганата, Тибетского государства в этом регионе, а также устранил систематические вмешательства китайских наместников Восточного Туркестана в дела западных тюрков. Тюргеши активно поддерживали антиарабское движение в Согде и возглавляли антиарабскую коалицию и сумели приостановить дальнейшие продвижения арабов в Центральной Азии. Однако, арабам удалось подавить освободительное движение, благодаря отсутствию единства среди жителей Мавераннахра, самих согдийцев; несогласованность действий между тюргешами и повстанцами областей Согда, Шаша, Ферганы, Тохаристана, Хутталя и других, обуславливали быстрому завоеванию арабов Средней Азии.

Политическое господство карлуков в Семиречье является последним этапом (766-940гг.) внешнеполитических отношений номадов Притяньшаня с государствами Центральной Азии в указанный период. Власть карлуков в Семиречье была признана тюргешами, их князья стали вассалами карлукского ябгу. В период господства карлуков в Притяньшанье они продолжали борьбу с Уйгурским каганатом до его падения в 840 г. за гегемонию в Центральной

Азии, оттеснить уйгуров с Алтайских гор не имели успехов, не удались также попытки создания антиуйгурской коалиции. Более того, уйгуры в 803 г. нанесли поражения объединенным силам тибетцев и карлуков, заняли Турфан и преследуя союзников уйгурское войско дошло до Ферганы [49]. В «Худуд ал-аламе» говорится о захвате карлукских владений Аксу, Барсхана токуз-огузами, т.е. уйгурами [50].

К концу VIII - нач. IX веков карлуки окончательно вытеснили огузов из Семиречья в западные области Средней Азии, попытки продвижения карлуков на запад встретили отпор со стороны арабов.

В начале X в. карлукские племена уже не играли, как раньше решающей роли в политической жизни номадов Притяньшанья, к этому времени уже перестала существовать их единая власть. В 40-х годах X в. владения карлуков были подчинены другими тюркскими племенами и вошли в состав Караханидского каганата.

В исследуемой работе раскрывается политическая ситуация в Средней Азии во второй половине X в. Саманидское государство, господствовавшее в Мавераннахре постепенно шло к упадку с одной стороны, а с другой, на востоке Средней Азии, в результате объединения кочевых племен карлуков, чигилей и ягма образовалось государство Караханидов. Последний, объявил ислам в качестве государственной религии (960 г.) и этот немаловажный фактор сыграл значительную роль во внешнеполитической ориентации караханидов. Со времени образования Караханидского государства и до его окончательного распада оно поддерживало внешнеполитические связи с сопредельными мусульманскими государствами, в частности, с Газневидским государством в конце X - нач. XI веков, а затем с середины XI в. с Сельджукским государством.

Борьба за обладание Мавераннахром вылилась в войну между караханидами и газневидами, а затем первых с сельджукидами и хорезмшахом. Хотя караханидам удалось за короткое время овладеть Мавераннахром, но удержаться там было не просто, поскольку оно не принесло стабильности и мира как внутри Караханидского каганата, так и за его пределами. В конечном счете, завоевание Мавераннахра для караханидов закончилось разделом государства на две самостоятельные части: Западную и Восточную. Более того, раздел каганата, как политический фактор, обуславливал, вмешательству внешних сил во внутренние дела обеих каганатов и тем самым это усугубляло положение караханидов во взаимоотношениях обеих частей.

В исследовании отмечается, что после раздела Караханидского каганата его военно-политическое господство в Мавераннахре стало ослабляться и теряло свое влияние на сопредельные государства, чем воспользовались газневиды, сельджукиды, а затем каракитаи. Теперь помимо вышеназванных государств, которые вели упорную борьбу за захват Мавераннахра, позже включились обе части Караханидского каганата как самостоятельные субъекты государства.

С середины XI в. караханиды неуклонно теряли свои позиции в Мавераннахре и те отдельные успехи восстановления каганата или попытки остановить процесс распада, осуществленные Ибрахимом ибн Насром (1017/1018-1067/1068 гг.) не изменили политическую ситуацию в пользу караханидов. В результате слабости политической власти караханидов в Мавераннахре, дважды подверглись вторжению со стороны сельджукского султана Мелик-шаха (1089 г.; 1090 г.) и закончившийся для караханида Мухаммед-тегина Арслан-хана вассалитетом.

После поражения караханидов в 1137 г. от каракитаев политический статус был потерян, практически страна распалась на удельные княжества, а их правители признали себя вассалами в начале сельджукского султана, а затем каракитайского гурхана.

Внешнеполитическая борьба караханидов в период конца X в. и до середины 30-х гг. XII в. были направлены на утверждение своего политического господства в Мавераннахре, соперничая в начале с газневидами, а затем с сельджукидами. В этой борьбе караханиды сумели отстоять за собой Мавераннахр, хотя в некоторых случаях сохраняло на условиях вассалитета, однако не газневидам, не сельджукидам не удалось оттеснить караханидов из Мавераннахра.

Внешнеполитическая борьба кочевников характеризуется исключительной перманентностью, т.е. непрерывной борьбой как внешними, так и внутренними силами. Расширение своих владений осуществлялись только за счет военной силы, не применяя в отношении врагов дипломатических интриг, иных средств, отсутствовал механизм закрепления и защиты захваченных земель дипломатическими средствами, т.е. путем договоров, соглашений между сторонами и их неукоснительного выполнения.

В заключении диссертации формулируются выводы, вытекающие из содержания работы, намечены пути дальнейшего углубленного изучения эволюции политической власти Притяньшаня в указанный период.

В выводах показываются, что проведенный сравнительный анализ структуры политической власти Хуннского и Усуньского государств оказались схожими, что хуннская модель политического устройства послужила основой политической структуры и системы управления усуньского общества. Об этом свидетельствуют схожесть триальной системы, институт соправительства, принцип престолонаследия и военно-административный характер системы управления, совпадение титулов, должностей и их полномочий, функций, роль и место совета старейшин в структуре политической власти хуннов и усуней. Сочетания военной и племенной структуры представляла собой как номадический тип власти, с его тенденцией к сегментации, автономностью, в конечном счете, это приводило к ослаблению центральной власти и к усилению центробежной силы.

В древнетюркский период каганат и его структура как орган центральной власти оставалась эфемерной, легко оспариваемой другими претендентами, она не обладала не военно-политическими, не экономическими рычагами для того,

чтобы установить абсолютную власть над подданными. Архаическая форма престолонаследия и легитимация каганской власти, сохранения родоплеменных институтов власти и управления, сочетания военной и племенной структуры по триальной системе вызывали кризисы власти и являлись источником междоусобных войн. В структуре политической власти Западно-тюркского каганата особое место занимал принцип конфедеративного управления в форме «эль», куда входили две и более племенных союзов. Конфедеративный тип организации власти получило свое развитие в результате кризиса каганской власти. Тюргеши и карлуки, сменившие тюрков, сохранили преемственность политической власти, но без династии Ашина, с конфедеративным принципом управления.

Политическая власть и система управления номадов в эпоху караханидов претерпели значительные изменения под воздействием внутренних и внешних факторов. В процессе феодализации общества, изменения социально-экономических отношений, развитие товарно-денежных отношений, коренная перестройка хозяйственной системы оказали огромное влияние на социальную и политическую организацию кочевников Притяньшаня, и в результате произошла трансформация кочевого общества и вместе с ним политической власти. Изменяется само представление о власти как абсолютной воли Аллаха, ее легитимация, сакрализация и институционализация.

Номады Притяньшаня, оказавшись в зоне оседло-земледельческого населения, в целях эффективного управления захваченной территорией создали политическую власть нового типа, связанную с экономическими, социально-политическими отношениями, с мощным бюрократическим аппаратом. Власть выводится из политической сферы в экономическую, т.е. когда правящая верхушка присваивает и перераспределяет собственность и прибавочный продукт, осуществляет феодальную эксплуатацию подданных. Прежде добывание прибавочного продукта, осуществлявшееся путем набегов и грабежей соседей, теперь основывалось на налогообложении покоренного населения.

Внешнеполитические отношения номадов в течение II до н.э. - XII в. характеризовались несколькими важными этапами. Усуньско-китайские отношения развивались в процессе создания антихуннской коалиции. После разгрома империи Хунну с помощью усуней и других кочевых племен над усунями был установлен протекторат со стороны ханьского Китая, в целях недопущения усиления государства Усунь.

Тюрко-китайские отношения складывались в процессе борьбы за политическое господство Центральной Азии. Завоевание тюрков на западе было гораздо успешнее, чем на востоке. Внешнеполитические отношения тюрков на западе были направлены на разгром государства Эфталитов, союз с сасанидским Ираном и Византийской империей. Однако эти отношения не могли долго сохраняться, так как усиление Древнетюркского каганата вызывали особые беспокойства у Танской империи и других сопредельных государств, поскольку между ними шла борьба за контроль на торговом пути.

Внутренние междоусобные войны в Тюркском каганате не позволили в полной мере реализовать свои внешнеполитические отношения с государствами Центральной Азии.

Внешнеполитическая ориентация Караханидского каганата была направлена на сотрудничество с мусульманскими государствами Мавераннах'ра и Хорасана. Между караханидами и газневидами, сельджукидами шла борьба за установление политического господства в Мавераннахре, караханиды пытались вытеснить оттуда своих соперников. Внешнеполитическая борьба караханидов за Мавераннахр первоначально развивалась успешно, однако, попытки вытеснить их не имела успехов со стороны вышеназванных сопредельных государств.

В целом, внешнеполитические отношения номадов в Притяньшанье были направлены на торгово-экономическое сотрудничество с оседло-земледельческими цивилизациями и государствами Центральной Азии. Однако Китай и некоторые другие государства рассматривали эти отношения как инструмент политического давления на кочевников.

Список использованных источников

- 1 Гомеров А.С. Государственность и государственная власть. М., 2002, С. 102-103, 280-283, 388-391; Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000, С.86-89.
- 2 Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников. Автореферат кандидатской диссертации. 1990, С. 13-14; Кочевые общества, Владивосток, 1992, С. 165.
- 3 Бичурин Н.Я.. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Изд-во Жалын. 1998, П, С. 154, 159, 196; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Восточной лит-ры. 1961,72-75; Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. - III в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории. М.: Наука, 1988, С.239.
- 4 Зуев Ю. А. К этнической истории усуней. // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. 1960, Т. 8, С. 16
- 5 Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского университета. 1976, С. 76; Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V-VII вв. - М.: Наука, 1981, С. 69.
- 6 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах,... П, С. 156-157; Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических пре-даний // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата. 1981, С. 66; Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-ое, переработ., и доп. М., 2001, С. 157.
- 7 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах,... П, С. 204; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент.

- В.С.Таскина. М: Наука, 1984, С. 297; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит-ра, 1997, С. 12.
- 8 Бичурин Н.Я.. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, П, С. 185, 202-203, 266, 293, 342; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М: Изд-во Восточной лит-ры, 1961, С. 192; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. - М.: Наука, 1968, С.52-53.
- 9 Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. - М.: Наука, 1973, С. 146.
- 10 Крадин Н. Н. Империя Хунну, С. 227.
- 11 Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II -I веках до н.э. М.: ИВ РАН -КРАФТ. 2001, С. 275-276.
- 12 Марков Г.Е. Кочевники Азии, С. 76.
- 13 Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1951, С. 34-35, 39,41; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003, С. 243-244.
- 14 Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986, С. 219; Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI-X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.: Наука, 1986, С. 79.
- 15 Mori M. Politikal Structure of the ancient nomadic state in Mongolia XIII Международный конгресс исторических наук Москва, 16-23 августа 1970 г. Доклады конгресса. 1973, Т. I, ч.3, С. 270; Мори М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии. М.: Наука, 1970, С. 3.
- 16 Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1951, С. 28-30, 36-37; Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1959, С. 16-19, 39-41.
- 17 Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-тегин // ЗВОРАО Т.ХН. СПб. 1899, С. 64.
- 18 Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит-ра, 1997, С. 247; Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. XXII. Кн. 2. М.: Наука, 1980, С. 156-159; Торланбаева К.У. Институт каганской власти (Второй восточно-тюркский каганат) / Автореферат кандидатской диссертации. Алматы, 2003, С. 16-17.
- 19 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах,.. Т. I, С 299, 305; Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1951, С. 36-37; Малов, СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1959, С. 10,24,40.

- 20 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, Т. I, 239; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири,.. С.191; Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989, С. 41,175; Chavannes E. Documents sur les Toukiues (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903, Р. 27.
- 21 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, С. 40-41.
- 22 Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука, 1981, С. 186-188; Малявкин А.Г. Танские хроники, С. 41-43, 168-169.
- 23 Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. Изд-во Московского университета, 1973, С. 50.
- 24 Малявкин А.Г. Танские хроники, С. 41,175; Chavannes E. Documents, Р. 28.
- 25 Малявкин А.Г. Танские хроники, С.164-168.
- 26 Малявкин А.Г. Танские хроники, С. 41,175.
- 27 Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI - начала XIII вв. Фрунзе: Илим, 1981, С. 86-89; Петров К.И. Социально-политические истории Киргизии средних веков // Автореф. доктор, диссертации. Новосибирск. 1986, С. 7-8.
- 28 Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.: Наука, 1983, С.36-39, 41-63, 114-139, 141-225; Gene R. Karahanli Devlet Teskilati (XI yuzuil) (Turk Hakimi yet Aniyisi ve Karahanlilar). Istanbul, 1981, b. 106-107; Генч Р. Карахандар мамлекетинин бийлик тузулушу. Бишкек, 2004,6.64-89.
- 29 Федоров М.Н. Кочевники и оседлое население в Караханидском каганате // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути. Алма-Ата: Гылым, 1991, С.98-99.
- 30 Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000, С.86-89.
- 31 Низам ал-мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия / Пер., введ. и прим. Б.Н.Заходера. М.; Л.: Академия наук СССР, 1949, С.44-15,147-152.
- 32 Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.: Наука, 1983, С.37-38.
- 33 Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. Ашхабад, 1973, С.66; Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001, С. 72.
- 34 Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.: Наука, 1983, бейты 2139-2144, 3005-3048; Gene R. Karahanli Devlet Teskilati (XI yuzuil) (Turk Hakimi yet Aniyisi ve Karahanlilar). Istanbul, 1981, С.109-111; Генч Р. Карахандар мамлекетинин бийлик тузулушу. Бишкек, 2004, б. 80-81.
- 35 Кочнев Б.Д. Структура власти в Караханидском каганате. Борьба кочевнических и оседлых традиций // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути. Алма-Ата: Гылым, 1991, С.79
- 36 Кочнев Б.Д. Структура власти в Караханидском каганате, С. 79.
- 37 Бартольд В.В. Али-тегин // Соч., Т.II, ч. 2. М.: Наука, 1964, С. 520.

- 38 Кочнев Б.Д. Караханидские монеты: источниковедческие и историческое исследование // Автореферат докторской диссертации, М., 1993, С. 17.
- 39 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч., Т. I. М.: Наука, 1963, С. 286.
- 40 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, С. 288-292; Караев О. История Караханидского каганата. Фрунзе: Илим, 1983, С. 247.
- 41 Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002, С. 40.
- 42 Гумилев Л. Н. Хунну в Китае. // Соч. Т. 10. Кн. 2. М., 1998, С.325.
- 43 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000, С. 365.
- 44 Думан Л. И. Внешнеполитические связи Китая с Сюнну в I - III вв. //Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1970, С.42; Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-ое, переработ., и доп. М., 2001, С. 110.
- 45 Степугина Т. В. Древний Китай // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М.: Наука, 1987, С. 244; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, Т. II, С. 160.
- 46 Боровкова Л.А. Царства «Западного края», С. 275.
- 47 История дипломатии. Т. I, М., 1959, С. 8.
- 48 Маргынов А.С. Статус Тибета в XVII - XVIII веках в традиционной китайской политических представлений. М.: Наука, 1978, С. 37-46; Кроль Ю.Л. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о Вселенной (II в. до н.э. - II в. н.э.) // Народы Азии и Африки, 1978, № 6, С. 45 - 57; Крюков М.В. Китай и соседи: две модели взаимоотношений // XI научная конференция «Общество и государство в Китае: Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1980, С. 11 - 12; Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127-1142. М.: Наука, 1986, С.5-17; Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980, С. 103-125; Попова И.Ф. Политическая практика и идеология ранне-танского Китая. М.: Вост. литература, 1999, С. 170-187.
- 49 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994, С. 34.
- 50 Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М.: Наука, 1973, С. 43.

Список опубликованных работ по теме диссертации

1. Политическая история Караханидов в X-XIII вв. // Политическая история Кыргызстана. Статья. Бишкек, 2001. С. 56-74.
2. Политическая история Кыргызстана в XIII-XIV вв. // Политическая история Кыргызстана. Статья. Бишкек, 2001. С. 74-92.
3. Арабские путешественники на Великом шелковом пути. Статья. // Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра. Бишкек, 2002. С. 153-160.

4. Проблемы трансформации традиционной религии кочевников Центральной Азии. Статья. // Буддизм и христианство в Центральной Азии. Бишкек, 2002. С. 179-189.
5. Структура государственной власти и системы управления Караханидского каганата. Статья. // Диалог цивилизаций вып. 3. Бишкек, 2003. С. 23-29.
6. Государственная структура и система управления древнетюркского каганата. Статья. Вестник КГПУ им. И.Арабаева. Бишкек, 2002. С. 50-58.
7. Проблемы становления государственности у Караханидов.Статья. // Диалог цивилизаций Вып.2. Бишкек, 2003. С. 42-45.
8. Распространение ислама в Средней Азии и его особенности. Статья. // Труды факультета Истории и регионоведения. Вып. X. Бишкек, 2003. С. 60-70.
9. Основные этапы становления феодальных отношений в Средней Азии. Статья.// Вестник КНУ серия 1. вып. 3. Бишкек, 2003. С. 67-71.
10. Великий Шелковый путь: диалог цивилизаций. Статья. // Вестник КНУ серия 6: Наука и образование. Вып. 3. 2003, С. 43-50.
11. Становление политической власти : усуньско-хуннские параллели. Статья. // Вестник КНУ серия 1 . вып. 4. Бишкек, 2004. С. 56-68.
12. Политическая борьба в Могульском государстве в XVII- нач.XVIII веков. Монография (110 стр.). Бишкек, 2004.
13. Усуньско-китайские отношения: проблема военно-политического союза. Статья. //Диалог цивилизаций. № 1(4). Бишкек, 2004. С. 33-40.
14. Письменные источники о государственности усуней // Источниковедение Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2004. С.163-167.
15. Письменные памятники о государстве Караханидов // Источниковедение Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2004. С. 250-257.
16. Трансформация политической власти кочевников Притяньшаня в X-XI вв. // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына серия 6: Наука и образование. Статья. Бишкек: КНУ, 2004. С. 41-44.
17. Становление политической власти кочевников: усуньско-хуннские параллели. Статья. Document de travail de IFEAC № 9 (Septembre 2004). С. 1-17.
18. Внешнеполитическая борьба кочевников Притяньшаня в XVI-XVII вв. Статья. Document de travail de Г IFEAC № 9(Septembre 2004). С. 18-29.
19. Политическая структура и система государственного управления древних усуней. Статья. Билим жана Тарбия. Восточ. Университет им. М. Кашгари. Бишкек, 2004. С. 27-31.
20. Внешняя политика Ханьской империи в Западном крае в конце II в. до н.э.- 1 в. до н.э. Статья. // Manas Universitesi. Sosyal bilimler Dergisi. Sayi: 12. Bishkek, 2004. С 25-35.
21. Структуризация политической власти усуньского общества. Статья. // Вестник Кыргызско-Российского-Славянского университета. Т.4, № 4, 2004, С. 32-36.
22. Трансформация политической власти караханидов в X-XI веков. Статья. // Билим жана тарбия. № 1-2, 2005, Восточный университет им. М.Кашгари-Барскани. С. 7-15.
23. Конфедеративный тип политической власти у кочевников Притяньшаня в

- VII- серед. X веков". Статья. Manas Un'iversitesi. Sosyal bilimler Dergisi. Sayi: № 15. Bishkek, 2005.
24. Становление политической власти феодального типа в Караханидском каганате во второй полов. X- начало XI веков. Статья. Токио, 2005 // Исследоват. Центр Японии и Азии. № 9. Универ. Кокушикан.
25. Трансформация каганской власти у кочевников Притяньшаня в X-XI вв. Статья. // Manas Universitesi. Sosyal bilimler Dergisi. Sayi: № 14. Bishkek, 2005. С.5-13
26. Проблемы преемственности политической у кочевников Притяньшаня VII-середина X веков. Статья. Токио, 2005 // Исследоват. Центр Японии и Азии. Универ. Кокушикан.
27. Проблема политогенеза номадов Притяньшаня во II в. до н.э. I в. н.э. // Цивилизации скотоводов и земледельцев ЦА. Самарканд, 2005. С. 57-75.
28. Political genesis of Tianshan nomads in 2-1 century BC. // Civilizations of Nomadic and Sedentary Peoples of Central Asia. Samarkand, 2005. С 57-75.
29. Эволюция политической власти кочевников Притяньшаня (II в. до н.э.-XII в.). Монография (332 стр.). Бишкек, 2005.

РЕЗЮМЕ

Джуманалиев Тынчболот

«Эволюция политической власти кочевников Притяньшаня (II в. до н.э.-XII вв.)»: Специальность-07.00.02- история Кыргызстана: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук - Бишкек, 2005 - 49 стр.

В работе автора рассматриваются такие ключевые аспекты как принцип престолонаследия, военно-административная система и совет старейшин, становление политической власти в кочевом обществе, а также название должностных лиц, их функции и полномочия. На основе сравнительного анализа раскрываются схожесть модели политической организации и структуры хуннов и усуней, причины перехода от триальной системы к дуальной, от прямого престолонаследия к удельно-лествичной системе.

Диссертантом освещаются институциализация политической власти: ее признаками и составными элементами являлись преодоление племенной раздробленности и централизации власти, ее сакрализация, сочетание военной с родоплеменной организацией и подчинение последней первой. А также рассматривается введение института соправительства, передача власти на основе удельно-лествичной системе, приводится около двадцати должностных лиц в политической иерархии, их функции и полномочия обозначены конкретно.

В работе указывается роль и место военно-политического устройства конфедеративного типа в форме «эль», где отмечается, что «эль» как форма военно-политического устройства сыграла значительную роль в процессе становления государственности древних тюрков. В последующем, ставшей

ядром политической власти кочевников Притяньшана в VI-X вв. В условиях кочевой организации общества триальная система оказалась наиболее оптимальной, эффективной, отвечавшей военным целям и задачам кочевников. Особенность военно-административных органов власти заключалась в сосуществовании родоплеменных и территориальных единиц, по десятичной системе.

Диссертантом анализируются экономические и политические предпосылки формирования политической власти феодального типа, распространение института феодальных пожалований в форме «икта» и, связанная с ней система феодальной эксплуатации, развитие товарно-денежных отношений ускорили процесс феодализации караханидского общества. Далее автором описываются трансформация каганской власти: каган распространяет свою власть, помимо политического, в сферу экономическую, т.е. из обладания движимой собственности к недвижимой, от набегов к установлению военного режима и администрированию покоренного населения, от взимания ежегодной дани к системе налогообложения. Структура и организация политической власти караханидов складывались под влиянием саманидов по феодальному типу, т.е. с тенденцией бюрократизации власти, усиления функций исполнительных органов связанные с финансами, земельными отношениями, городами и религиозными учреждениями, торговыми рынками, почтой и различными ведомствами.

Джуманалиев Т. в своей работе характеризует внешнюю экспансию кочевников Притяньшана как фактора усиления политической власти, что в результате завоевания кочевникам удалось установить свое политическое господство в Центральной Азии. Во взаимоотношениях кочевников с оседло-земледельческими цивилизациями и проведения успешной экспансии кочевое общество должно быть консолидированным. В процессе завоевания политическая власть укрепляется, усиливается за счет инкорпорации новых племен и концентрации в руках правящей династии материальных и людских ресурсов, их перераспределения среди своих соплеменников. Таким образом, война и внешняя эксплуатация являлись важнейшими «факторами» возникновения кочевых государств и империй.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка литературы.

РЕЗЮМЕ

Жуманалиев Тынчболот

«Теңир-Тоодогу кочмондордун саясий бийлигинин эволюциясы (б.з.ч. П-ХИкк.)»: Адистиги - 07.00.02 - Кыргызстандын тарыхы: Тарых илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын алууга талаптангы жазылган диссертациянын авторефераты.- Бишкек, 2005. 49 бет.

Автордун ишинде усун коомунун саясий бийлигинин калыптанышы, тактыны мурастоо, аксакалдар кенешинин жана аскердик башкаруу системасынын принциптери, ошондой эле, кызмат адамдарынын

аталыштары, алардын милдеттери жана укуктары өндүү маанилүү жагдайлар каралган. Салыштырылып талдоонун негизинде Хунндар менен Усундардын саясий уюшулуш жана түзүлүш моделиндеги окшоштуктар, триалдуу системадан дуалдууга тактыны түздөн - түз мурастоодон удельдик - лествикалык (тепкичтүү энчилөө) системасына өтүүнүн себептери ачылып көрсөтүлгөн.

Диссертант тарабынан саясий бийлигинин түзүлүшү чагылдырылып, анын белгилери жана түзүүчү курамы болун уруулук бытырандылыкты жоюу жана бийликти борборлоштуруу. Анын бекем салтка айланышы, аскердик жана уруулук уюмдардын айкалышы, жана кийинкилеринин биринчилерине баш ийүүсү, кош бийлик институтунун киргизилиши, бийликтин удельдик - лествикалык түзүлүштүн негизинде өткөрүлүп берилиши эсептелген.

Жалпысынан көчмөнчүлүк коомдо саясий бийлик жөнөкөй болгон, бирок ал жетишерлик ыкчам болуп, көчмөндөр коомунун талаптары менен кызыкчылыктарына жооп берген.

Автор тарабынан түрк саясий тепкичиндеги 20 га жакын кызмат ээликтери, алардын милдеттери жана укуктары ачык көрсөтүлгөн. Диссертациялык иште «эл» түрүндөгү конфедеративдүү көрүнүштүн аскердик саясий түзүлүштүн мааниси жана орду көрсөтүлгөн, да анын максаты кас урууларга каршы туруу жана коңшулаштарга каршы согуш иштерин уюштуруу максатында адегенде жакын уруулаштарынын, андан соң башка турк урууларынын башын бириктирүү болгон. Автор аскердик-саясий түзүлүш катары «эл»- байыркы турктөрдүн мамлекетүүлүгүнүн калыптануу процессинде маанилүү оорун ээлегендигин жана ал бара-бара көчмөндөрдүн саясий бийлигинин өзөгүнө айлангандыгын белгилейт. Бирок кубаттуу түрк каганатынын кыйроосуна байланышкан жаңы тарыхый кырдаалда бийликтин конфедеративдүү түрү Түргөш жана Карлук каганаттарынын негизин түзүп калган. Хунндар тарабынан киргизилген бийлик түзүлүшүндөгү триалдуу (үчилик) система маанилуу бойдон кала берген, коомдук көчмөндүк шартында триалдуу система кыйла натыйжалуу болуп, номаддардын талаптарына жана аскердик максаттарына жооп берген. Бийликтин аскердик-административдик органдарынын өзгөчөлүгү - уруулук жана аймактык бирдиктердин жанаша жашоосу болгон, б.а.уруулар арасындагы жана бир уруу ичиндеги жакын туугандык байланыштар, алардын тегинен байланышкан жалпылыкты унуткарган эмес. Ошону меиен бирге уруулардын бөлүнүшү аймактык принцип боюнча жүргүзүлгөн, б. а. тигил же бул уруунун аскеринин санына карата жүздүк система боюнча бөлүгөн.

Диссертант тарабынан феодалдык типтеги саясий бийликтин калыптануусундагы экономикалык жана саясий өбөлгөлөр талданган. Мында X-к. Теңир-Тоо көчмөн урууларынын биригиши жана караханиддердин Мавераннахрды басып алуусу, о.э. «икта»

формасындагы феодалдык төлөмдөр институтунун кеңири жайылтылышы жана буга байланыштуу феодалдык эзүү, товар-акча мамилесинин өнүгүшү караханиддер коомунун феодалдашуу процессин тездетип жибергендиги каралган. Мавераннахрды Караханиддер басып алгандан соң, алар саманиддердин мамлекетти башкаруусунун такшалган системасын көрүшкөн. Андыктан караханиддерде дагы башкаруу системасын саманиддердикидей типте өзгөртүү зарылчылыгы келип чыккан. Андан ары автор каган- бийлигинин трансформацияланышын баяндайт, бул жерде каган өз бийлигин саясий чөйрөдөн тышкары экономикалык чөйрөгө жайылткандыгы айтылган, б.а. кыймылдуу мүлктөн кыймылсыз мүлккө ээ болуу, чабуулдардан бекитилген аскердик мөөнөткө өтүү жана басып алган элди башкаруу, жыл сайын берилүүчү төлөмдөрдөн салык салуу системасына өтүү ж.б. айтылган.

Жуманалиев Т.Д. өз ишинде Теңир-Тоо көчмөндөрүнүн сырткы багындырууларын саясий бийликтин күчөтүүчү фактору катары мүнөздөйт, көчмөндөр басып алуунун натыйжасында Борбордук Азияда өздөрүнүн саясий бийлигин тургузууга жетишкен. Көчмөндөр менен отурукташкан дыйкандар ортосундагы мамилелерде жана чегин ийгиликтүү кеңейтүү үчүн көчмөндөр коому бирдиктүү болуусу зарыл эле. Мында, басып алуунучу тарап канчалык күчтүү болсо, номаддардын биримдилүүгүнө жана борборлошуусуна ошончолук катуу талап коюлган. Мындан тышкары, басып алуу процессинде жаңы урууларды кошуп алуу жана бийлик кылуучу династиянын колунда дүнүйө жана адам ресурстарын топтоп, аларды өз уруулаштарына бөлүштүрүп берүүнүн натыйжасында саясий бийлик бекемделет.

Ошентип, көчмөн мамлекеттердин жана империялардын пайда болушунда согуш жана тышкы эзүүлөр негизги себептерден болгон.

Диссертациянын структурасы кириш сөздөн, төрт баптан, кортундудан жана пайдаланган адабияттардын тизмесинен турат.

SUMMARY

Of the dissertation worked out by T. Djumanaliev for competition of a Doctorate of History "Evolution of the political power of Tien-Shan nomads (II nd BC- XHth century)"

Key words: the political power and structure, confederate, military-administrative system, institutional, conquering, foreign political struggle.

The author of the work touches upon the following key -aspects in his work they are: the making of the political power in Usun society, the principle of succession to the throne , military-administrative system of the society and its authorities, and also the counsel of elders.

The similarities between the political models, political organizations, and political structures of the Huns and Usuns, the reasons for transitioning from a triple branch system, and the reasons for transitioning from a direct to an appanage succession system are revealed on the basis of comparative analyses.

The author of this dissertation describes the institution of political power the main components of which were the overcoming of tribal breaking and the centralization of power. It is worth noting that the military structure was combined with clan structure and the former was submitted to the latter. As a whole the political power in nomadic society wasn't complex was however mobile enough to meet the requirements of nomadic society.

The author's work emphasizes the role and placement of the confederated military-political structure, known as the "el"-formation which was originally instituted in order to unite tribes and later other Turkic tribes, for resistance, against hostile and for organization of military campaigns against neighbors. The author notes that the "el"-formation as a military-political structure, played a vital role in the process of creating the states of the ancient Turkic nomads, which become the center of political power.

The author's analysis of economic and political pre-conditions of making political power of feudal type, of Tien-Shan nomad tribes, gives a detailed description of Karahanids conquering, and the institutional requisitions of "ikta" which created a good situation for the development of commodity-money relations, which speed up the process of feudal Karahanid society. After conquering; the Karahanids faced with the well-formed state-body. In the result of conquering there appeared the necessity of management reorganization system. Further on the author describes the transformation of Kagan political power, which interferes with economic sphere, which leads to possessing of properties, and to establishing of military regime.

The structure and organization of Karahanids political power were established by feudal type under the influence of Samanids, there was the tendency of power bureaucracy, strengthening functions of executive bodies which were connected with financial and land properties, with religious establishments, markets, post offices and a number of other quarters.

Djumanaliev.T. the author of the scientific work characterizes the external expansion of Tien-Shan nomads as the factor of strengthening of political power, in the result of conquering, the nomads managed to establish their political supremacy in Central Asia. The nomads related with different agricultural civilizations, and for their better expansion, the nomads had to be well consolidated, and so much stronger the object of interference, the higher demands for centralization and unity of nomads. Besides, the political power is strengthened in the process of conquering, incorporation of new tribes is also strengthened, and the ruling clans concentrate material and human resources and distribute them among their tribesmen. Thus the war and external exploitation were the main factors for appearance of new nomad states and empires.

The dissertation thesis consists of introduction, four chapters, conclusion and bibliographic data.